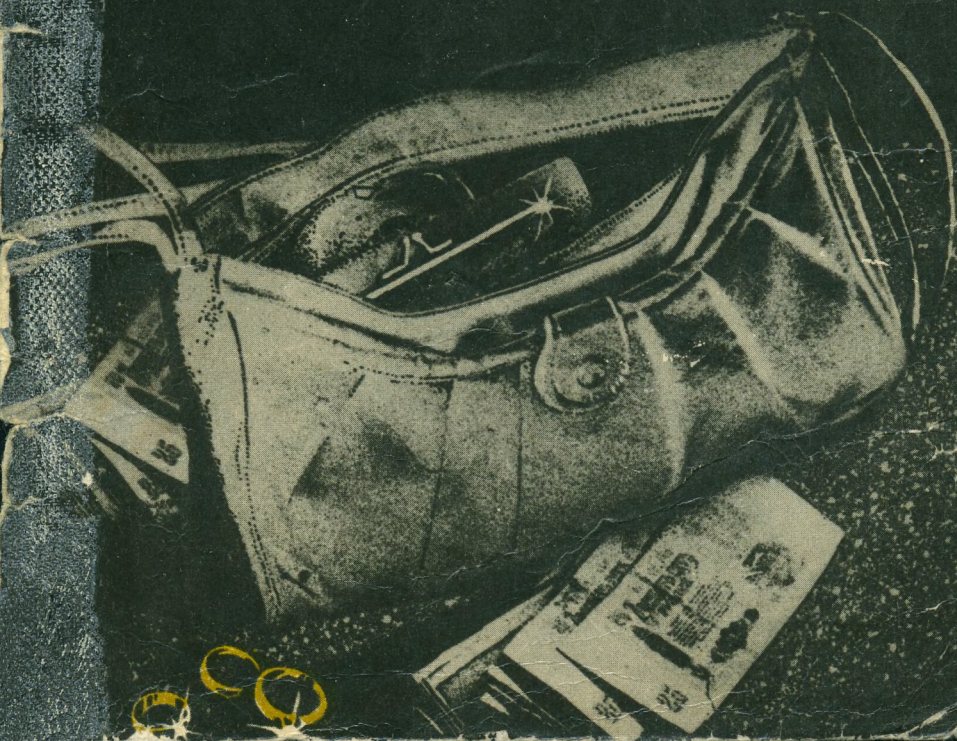

БИБЛИОТЕЧКА
« НА СТРАЖЕ
ЗАКОНА »

ВОШЕЛ В ДОВЕРИЕ...

БИБЛИОТЕЧКА «НА СТРАЖЕ ЗАКОНА»

ВОШЕЛ В ДОВЕРИЕ...

Лениздат • 1985

67.99(2)116.1
В61

Составители библиотечки:
В. А. Беляков,
М. Е. Скрябин

Вошел в доверие.../[Сост. В. А. Беляков, М. Е.
В61 Скрябин.]—Л.: Лениздат, 1985.—63 с., ил.—
(Б-чка «На страже закона»).

Отдельные граждане становятся жертвами мошенников, подда-
ваясь на их различные ухищрения. В брошюре речь идет о том, как
сотрудники милиции разоблачают жуликов и они в полной мере не-
сут ответственность перед законом.

В $\frac{1203150000-182}{М171(03)-85}$ 28—85

67.99(2)116.1

РАБОТЕ ПО ПРАВОВОМУ ВОСПИТАНИЮ И БОРЬБЕ С НАРУШЕНИЯМИ ЗАКОНА — НЕОСЛАБНОЕ ВНИМАНИЕ

Предлагаемый читателю сборник библиотечки «На страже закона» направлен не только против преступлений, но и против других правонарушений, сущность которых сводится к злоупотреблению доверием. Обман, скажем, может вылиться в преступление, если недобросовестный руководитель предприятия допускает приписки в государственной отчетности о выполнении плана или нечестный человек обманным путем завладевает чужим имуществом. В жизни мы порой видим подобное. Преступления такого рода (и в целом преступные проявления) возникают там, где борьбе против них и способствующих им условий не уделяется должного внимания.

Здесь мы расскажем о том, как под руководством партийных органов такая работа проводится в Октябрьском районе, который, как и другие районы Ленинграда, по численности населения, количеству предприятий и учреждений не уступает многим средним городам нашей страны.

На апрельском (1984 г.) Пленуме ЦК КПСС подчеркивалось: «Законы у нас... строгие. И столь же строго они должны соблюдаться. Иначе впустую пойдут все усилия по укреплению порядка, организованности, социалистической законности». Свою главную задачу в этом направлении райком КПСС видит в том, чтобы направлять усилия партийных организаций предприятий и учреждений, а также правоохранительных органов на мобилизацию коммунистов, всех членов трудовых коллективов и граждан по месту их жительства на проведение комплексной работы по предупреждению правонарушений, правовому воспитанию и пропаганде советского законодательства.

Важным звеном в организации комплексной работы стала секция укрепления дисциплины труда, общественного порядка и социалистической законности, созданная в совете экономического и социального развития при райкоме партии, в

которую входят представители крупнейших предприятий, правоохранительных органов, а также партийные и комсомольские работники. Секцию возглавляет прокурор района, так как по Закону о прокуратуре СССР именно на прокуратуру возлагается координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступлениями и иными правонарушениями.

Среди вопросов, обсуждаемых на секции,—укрепление дисциплины труда, эффективность работы общественных отделов кадров, работа РУВД по взаимодействию с общественностью и другие. Обсуждению каждого вопроса предшествуют глубокие проверки, проводимые членами секции с помощью привлекаемого ими актива.

Такие проверки, а также обсуждения на заседании секции отчетов вызываемых туда ответственных лиц из руководящего состава весьма эффективны. В этом случае партийное руководство строится исходя из информации, получаемой непосредственно, становится более результативным.

Правоохранительные органы взаимодействуют с представителями общественности, которые активно участвуют в работе по профилактике преступности несовершеннолетних. Так, учительница средней школы № 260 Р. С. Поляк по своей инициативе шефствует на общественных началах над подростками, склонными к совершению правонарушений. Все состоящие у нее на учете подростки посещают различные кружки, она интересно организует досуг учащихся. Свою работу Р. С. Поляк проводит в тесном контакте с прокуратурой района и инспекцией РУВД по делам несовершеннолетних. В 1984 году учащимися этой школы не было совершено ни одного преступления.

Районный комитет КПСС проводит совещания-семинары работников правоохранительных органов, руководителей советов профилактики правонарушений предприятий и организаций, советов общественных пунктов охраны порядка и других формирований для обмена опытом работы по укреплению социалистической законности и правопорядка. Ежегодно на бюро райкома КПСС не менее двух-трех раз обсуждаются вопросы партийной работы, связанной с укреплением трудовой и общественной дисциплины, сбережением социалистической собственности, повышением ответственности кадров за исполнение законов, деятельностью правоохранительных органов.

В первом квартале 1984 года на бюро обсуждался вопрос о ходе выполнения постановления райкома КПСС, в котором говорилось об усилении борьбы с хищениями социалистической собственности, взяточничеством и спекуляцией.

Пять руководителей предприятий были привлечены к партийной ответственности. О некоторых поставлен вопрос о целесообразности их оставления на занимаемых должностях. Бюро райкома особо подчеркнуло, что партийные комитеты и бюро ряда организаций не осуществляют должный контроль за хозяйственной деятельностью администрации, беспринципно относятся к фактам злоупотребления.

Большое внимание райком уделяет вопросам совершенствования координации деятельности прокуратуры, милиции, народного суда, их взаимодействия с общественностью, с трудовыми коллективами в борьбе за правопорядок. В этом направлении полезны установившиеся контакты секции укрепления дисциплины труда, общественного порядка и социалистической законности с оргкомитетом Ленинградского регионального совета правоохранительных органов, научных учреждений, средств массовой информации и творческих союзов, а также с действующим при прокуратуре Ленинграда криминалистическим кабинетом, осуществляющим комплексную работу по предупреждению правонарушений, правовому воспитанию и пропаганде советского законодательства.

Анализируется соблюдение законности в районе, на отдельных предприятиях, и по результатам этого анализа разрабатывается план организационных правовоспитательных и других конкретных мероприятий, на выполнение которых райком партии нацеливает все партийные организации района.

Положительный опыт накоплен в Ленинградском Адмиралтейском объединении. Под руководством парткома здесь действует совет профилактики правонарушений. Возглавляет его заместитель генерального директора по кадрам. В совете несколько секций, в том числе социалистической законности и правопорядка. Аналогичные советы профилактики действуют и в цехах объединения. Они выявляют участки, бригады, где неблагополучно с трудовой дисциплиной и соблюдением правопорядка, а также злостных нарушителей порядка. На основе анализа причин и условий, способствующих правонарушениям, в каждом цехе разрабатывается конкретный план действий. Основное в нем — индивидуальная профилактическая работа с лицами, склонными к злоупотреблению спиртными напитками, нарушениям трудовой дисциплины и общественного порядка, устранение причин, приводящих к утрате и хищениям социалистической собственности.

Провинившегося обычно приглашают на заседание совета профилактики, где заслушивают его объяснение. Иногда члены совета посещают семьи таких работников или же приглашают их на заседание совета. Таким образом, в вопросах воспитания людей, разъяснения неотвратимости наказания за

нарушение социалистической законности соединяются воедино усилия товарищей по работе и семьи. Меры, принимаемые советами профилактики к правонарушителям, весьма действенны, так как в коллективе хорошо знают, что ни один проступок здесь не остается незамеченным, безнаказанным.

Авторитетны в объединении и товарищеские суды, и добровольные народные дружины, и другие организации общест-венности.

В последние годы в укреплении правопорядка заметно повысилась роль юридической службы объединения. При ее непосредственном участии проводится правовая учеба руководящего административного состава и актива общественных формирований. Большое внимание уделяется изучению наиболее эффективных форм и методов профилактики правонарушений. Юристы активно участвуют в пропаганде правовых знаний и правовом обучении трудящихся. Хозяйственные руководители и рабочие знакомятся с формами использования правовых средств в повышении эффективности общественного производства. На предприятии неуклонно сокращаются убытки от непроизводительных расходов, сведены до минимума трудовые споры. В цехах и бригадах часто бывают работники правоохранительных органов. Они выступают с лекциями и беседами о состоянии правопорядка и законности в районе и городе, информируют о правонарушениях, совершенных работниками объединения.

Вся эта поистине огромная работа приносит положительные результаты. За последние годы здесь более чем в два раза снижены непроизводительные потери рабочего времени, почти на треть сократилось число прогульщиков, наполовину меньше стало правонарушений.

На страже советских законов наряду с правоохранительными органами должны стоять и сами трудящиеся. Общеизвестно, что причина многих преступлений — пьянство, бытовая распушенность. Многие преступления и почти все хулиганские проступки совершаются на почве злоупотребления алкоголем. Пьянство является основной причиной прогулов, нарушений общественного порядка. Ежегодно из-за прогулов предприятия и строительные организации теряют значительное количество рабочего времени, но не в каждом коллективе создана обстановка действительно нетерпимого отношения к пьяницам и прогульщикам, не каждый нарушитель держит ответ перед товарищами по работе. Нередко проявляется формализм в борьбе с пьянством.

Серьезной морально-правовой проблемой, сдерживающей искоренение преступлений, остается тунеядство. За истекшее полугодие каждое третье-четвертое преступление в районе бы-

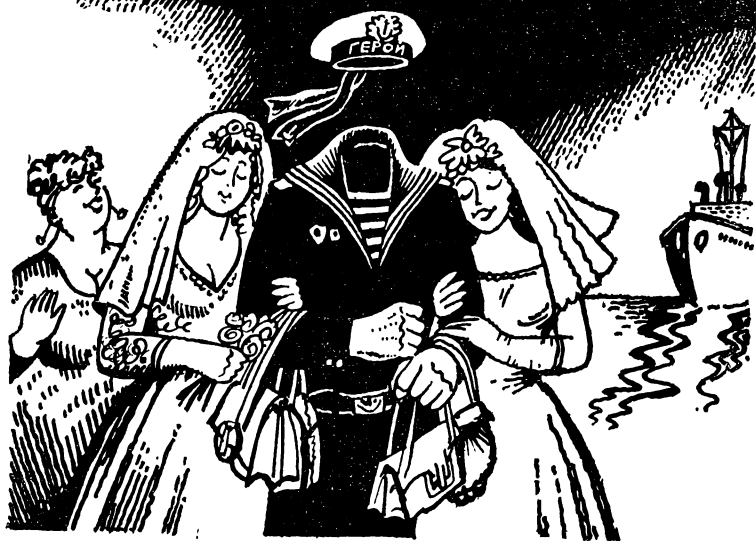
ло совершено лицами, не занимающимися общественно полезным трудом. Здесь следует высказать серьезные претензии к работникам Управления внутренних дел, и прежде всего к участковым инспекторам милиции, которые не всегда активно выявляют лиц, ведущих паразитический образ жизни, не в полную меру используют помощь добровольных народных дружинников и других общественных формирований по месту жительства.

Новый нравственно-правовой климат — сегодня примета каждого трудового коллектива, роль которого значительно возросла в связи с принятием соответствующего закона. И это проявляется на всех участках социальной практики, в том числе и в деле укрепления социалистической законности. Неуклонно возрастает социально-правовая активность трудящихся, и прежде всего общественных формирований, содействующих охране правопорядка, усилению борьбы против таких преступных действий, как хищения, кражи, взяточничество, спекуляция, мошенничество и другие. Правовое воспитание граждан и бескомпромиссная борьба с нарушениями закона служат делу укрепления и совершенствования нашего общества развитого социализма.

*В. А. РОМАНОВ, секретарь
Октябрьского райкома КПСС*

Вошел в доверие...

Это было несколько необычное дело. Расследование установило следующее: гражданин Ходос Станислав Васильевич длительное время нигде не работал, вел антиобщественный, паразитический образ жизни, не имея постоянного места жительства, бродяжничал, совершал различные преступления. Бывая в разных городах, он входил в доверие к гражданам, называл себя вымышленными именами, новым знакомым представлялся то капитаном теплохода, то сотрудником милиции или кем-нибудь попроще и одновременно совершал мошеннические действия.

У Ходоса изъяли записную книжку, в которой была страница со следующей любопытной записью:

1. Лида. Курск — Пермь. 3 дня. 30 лет, техник Ж.Д.Т.
2. Галя. Стюардесса. 1 день. 21 год.
3. Люба. Киев. Экономист. 4 дня. 24 года.
4. Валя. Закройщица. 2 дня. 20 лет.
5. Галя. Начальник поезда. 2 дня. 25 лет.
6. Аня. Т/х «Долгорукий». 3 дня.
7. Валя. Т/х «Гастелло». 4 дня.
8. Ангелина. Село Кипень. Учительница.

9. Галя. Волжск. Актриса драм. театра. Месяц. Муж на гастролях.

10. Люда и Нина. Великие Луки. 3 и 5 дней.

11. Света. Жена докера. Ленинград. Гост. «Октябрьская». 7 дней...

Итак, настало время судебного разбирательства.

Автору представляется нецелесообразным приводить подлинные имена и фамилии потерпевших, судьи, защитников и обвинителя. Не это главное. Хочется, чтобы читатель увидел мошенническую сущность подсудимого, а судебное разбирательство стало хорошим уроком не только для «жертв», но и для всех брачных аферистов.

Суд был назначен на пригожий апрельский день. А у Ляли О. в памяти — снежный декабрь и каток в Парке Победы. Она, Ляля, упала, а он, Вова У., ее поднял, отряхнул, спросил, нет ли травмы, и предложил: «Покатаемся вместе?»

Катался он неважно, но так ласково заглядывал Ляле в глаза, так горячо дышал у нее над ухом! Потом поинтересовался: «Школьница?» — «Работница, — еще неумело, еще по-детски кокетничая, ответила она. — Послезавтра первую в жизни тринадцатую зарплату получаю!»

В тот вечер, ближе к отбою, Ляля упрашивала дежурную по общежитию: «Пустите его к ребятам. Савелий Ольхин в отпуске — койка пустует. Тетечка Клавуся, вы же по форме видите — флотский! В Кронштадт он опоздал, приехал к товарищу из Владивостока... Что ж ему теперь? На вокзале ночевать? Там, говорят, жулья полно!»

«Тетечка Клавуся» понимала одно: каждая из девчат, живущих в общежитии, рвется замуж.

На другую ночь Вова У. опять ночевал на пустующей койке отпускника. А на девичьей половине общежития за полночь шли разговоры про любовь с первого взгляда. И почти всем хотелось, чтобы не правы оказались те, кто утверждал: «Не бывает».

Ляля не участвовала в спорах подруг. Она-то точно знала теперь: на свете все бывает...

Шли третьи сутки «любви с первого взгляда», когда Вова У. повез Лялю О. в Кронштадт. К товарищу. Знакомить со своей невестой. Маловеры были посрамлены. Противники их ликовали. И снились бы девчатам хоро-

шие сны, да среди ночи ворвалась в сонную тишину общежития Ляля с криком: «Где Вова?!»

Действительно, где? Попал под встречную электричку? Схватился с хулиганами? Вступился за кого-нибудь?

«Вова-а-а! Вови-и-ик!! Во-ло-ди-и-ик!!!» — одинокая, крикливая пассажирка до ночи металась по вокзалу, по путям. Задержавшему ее милиционеру толком ничего не могла объяснить.

Вот так на станции, откуда до переправы через пролив рукой подать, Ляля О. потеряла жениха... и первую в жизни тринадцатую зарплату.

Нет, она не связывала эти потери в один клубок. Даже теперь, два года спустя, она сказала следователю, что сумочку отдала Володе сама. Следователь поправил: Станиславу. А Ляля тоже по метрикам была не Ляля, а Настасья, так что это, преступление? Бывшая Настя шаловливо назвала себя Лялей. Подумаешь!

Она продолжала настаивать, что сумку с деньгами отдала Вовочке сама. Из рук в руки. Уходя на пристань разузнать про катер, он предупредил: «Берегись, вырвут». Чтоб не вырвали, она и отдала. В тот день была получка, и Ляля прямо с завода прибежала на Балтийский вокзал. Как условились.

В особняк на Фонтанке — городской суд — она шла с непогасшей верой в то, что все не так, что Вова ни в чем не виноват и произошла какая-то ошибка, в результате которой она, Ляля, идет в суд как истица, как человек враждебный ни в чем не повинному Вовику. Ну, взял деньги. Значит, нужны были позарез, а попросить постеснялся — стеснительный. Нахал сказал бы прямо: «Дай денег». И она дала бы. А он — стеснительный...

Зал, где слушалось дело о мошенничестве, был наполовину пуст. В нем присутствовали в основном потерпевшие, их родственники, свидетели. Ляля заняла место, самое близкое к обвиняемому, у него на виду, чтобы он мог прочесть в ее глазах прощение: мол, я на тебя не обижаюсь. Глянул бы только!..

А он не глядел.

Его охраняли два молодых конвоира. Похоже было, что им стыдно за него.

Судья спросила:

— Вы признаете, что отбирали деньги у гражданок, здесь присутствующих?

— Они сами давали, — ответил он.

Протестующий, яростный крик старшей из «невест» (возраст потерпевших составлял от 17 до 40 лет) вынудил подсудимого оглянуться. Видимо, вспомнив, что чистосердечное признание может смягчить наказание, он дал утвердительный ответ:

— Да, отбирал.

— Что заставляло вас так поступать? — последовал новый вопрос.

— У каждого свое занятие...

На то, что кто-то пересел с первой скамьи в самый дальний угол, подсудимый не обратил внимания, к тихим всхлипываниям, донесшимся из угла зала, не прислушался.

Поведение подсудимого вызвало шумок в рядах «невест». У большинства из них есть родители. Уважаемые. Под судом и следствием не состоявшие. Отец одной «невесты» — работник пожарной части. На груди у него — медаль «За отвагу». По его личному признанию, с деньгами он аккуратен. А тут...

На суде он показал:

— Является домой из областного центра старшая дочь с аттестатом об окончании ПТУ, сельскохозяйственного. И с женихом во флотской форме. Принимаем. Мать, правда, с недоверием: что, мол, за сватовство, если знакомство ихнее в поезде завязалось? Ехали-то всего четырнадцать часов. Узнать бы получше, кто да что... Я, признаюсь, прикрикнул на нее: пока будешь справки наводить — жениться раздумает, обидится, если гордый. А у нас еще трое, дочерей... Солить их будешь, что ли? Но денег, обещанных жениху, поубавил: вместо тысячи дал шестьсот. На то, на се... У него с собой не оказалось. Говорит, не ждал, что такое дело по дороге выйдет... Резонно, думаю. «Потом вышлешь», — сказал я ему. Только хозяйке моей про кредит — ни-ни!.. Ну, расписаться они решили в сельсовете: очереди нет. А флотская служба требует возврата из отпуска вовремя. Светка наша, невеста, цветет! Перед школьными подругами бывшими задается, словно бы замуж за адмирала выходит!

Отправились они за обручальными кольцами в район-центр: сельмаг такой товар не держит. Поехали туда автобусом, хоть Светка и требовала: «Машину дай!» Вождению в ПТУ их научили. «Москвич» у меня старенький, но тянет. Берегу.

Обратно дочь вернулась последним автобусным рейсом. Одна... Мать так и ахнула: «Чуяло мое сердце!..» По

ее вышло, по материнскому чутью... Вот так осрамил нас на всю округу беглый жених, да еще шестьсот рублей прихватил...

— ...И два обручальных кольца,— добавила с места белобрысенькая, от обиды какая-то выцветшая Света. Судья обратилась к обвиняемому:

— Вы подтверждаете, что присвоили себе деньги и обручальные кольца?

— Раз говорят, взял — значит, брал. Чего ж им врать?

— Вы знаете, что такое вымогательство?

— В моем понимании — это потребовать деньги за что-то. А я ни у кого не требовал. Мне сами совали: только женись!

— Садитесь,— сказала судья и обратилась к отцу Светланы: — Как же вы, пожилой мужчина, укротитель огня, отмеченный наградой за отвагу, согласились выдать свою дочь за кого попало?

Отец Светы виновато развел руками и хрипло произнес:

— Вошел в доверие...

В зале раздался громкий смех. Судья напомнила о необходимости соблюдать порядок и пообещала самую смешливую из «невест» — она же самая старшая — удалить из зала. Но та зарыдала так же громко, как только что хохотала.

— Я свое требую,— обливаясь слезами, заговорила она. — Я деньги не печатаю. Недельку его кормила! Соседи свидетели, что по утрам мы с ним вместе из квартиры выходили!..

— Я у этой мамыши гроша не взял,— клятвенно уверял подсудимый.

Истица подтвердила:

— Не взял, потому что ко мне без официального документа в доверие не войдешь!

Как остановить смех над людской низостью? Строгая судья казалась лишенной юмора — то ли от природы, то ли от груза подлостей, в которых ей приходилось разбираться. Ей нужно справедливо определить виновному меру наказания за вымогательство, за унижение человеческого достоинства, за вероломство, за циничное отношение к любви, семейному очагу, чистоте.

Вопрос подсудимому:

— Вы знали, что Ленинградский угрозыск разыскивал вас?

— Догадывался,— уклончиво отвечает «жених».

— Почему же вы приехали в Ленинград вторично? С какой целью?

Ответ звучит равнодушно:

— Удобства...

— Точнее, — настаивает судья. — Какие удобства?

— Туристок много. Одну сопроводить за покупками, другую — прокатить на теплоходе по Неве, показать лесопарк...

— Вы помните учительницу из белорусского села Рубежовичи? Кем вы ей представились?

Мнимому жениху вопрос, кажется, не нравится. Он бросает короткий взгляд на ограбленных им «невест» и невпопад отвечает:

— Всего не упомянешь.

Судья настаивает:

— Вспомните, почему вы тогда стали Аскольдом Вишневецким?

Молчит, потом мямлит:

— Так, в голову пришло. — Понимает, что неубедительно, и быстро перестраивается: — Приманка! Она ж интеллигентная барышня. Значит, в замужестве хочет красивую фамилию...

Учительница из Рубежовичей не допускала, что есть на свете город «прекраснее», как она сказала, чем Ленинград. Она отказывала себе в поездках к Черному морю, лишь бы побывать летом в Северной Пальмире. Среди служащих гостиницы у нее нашелся земляк. Он и привел к ней «подселенца»: мол, тот за нее заплатит. С деньгами у нее было не густо, а чужие деньги — чего ж их считать! Каждую поездку знакомые поручали ей сделать покупки. Ей доверяли. Она показала список заказов. Подселенец вел себя вполне пристойно. Дубленку старшекласснице обещал достать. Но потом...

— Не надо было показывать ему список заказов... — Моложавое лицо учительницы старилось от горечи. — Мы заказали билеты до Рубежовичей на двоих. Поймите, мне тридцать лет, я одинока. А тут — флотская форма, угодлив, красив. И просьба: «Пригласите меня к себе». Спрашиваю: «В гости?» — «Насовсем»...

— Короче говоря, «вошел в доверие»... — с безразличным сочувствием договорила за нее судья.

В перерыве граждане, заполнявшие коридор, спрашивали у причастных к делу о мошенничестве: «Над чем смеялись?» И им отвечали: «Над невестами. И над женихом». — «Что же он натворил?» — «Входил в доверие»...

Но разве можно смеяться даже над той нахальной немолодой женщиной, с которой «приезжий флотский» завел знакомство во Дворце культуры города Трускавца на вечере «Для тех, кому за тридцать»? В этом городе она скупала у местных жителей шкурки нутрии и каракульчи для перепродажи в Ленинграде. Теперь же на суде поносила кратковременного жениха зло и безжалостно: и «черная душа», и «убить может запросто». С удовольствием она повторяла, что у нее «доверие на замке».

На вопрос судьи, чего же она от него хочет, последовал бойкий, заранее обдуманный ответ:

— Пусть женится!

— Но ведь приговор еще не вынесен,— осторожно предупредила судья.

— Сошлете? А отметка в паспорте останется! Этим барышням можно ждать, а мое время на исходе. Слышали, мамашей зовет? Уж как мне опостылело в каждой бумажке писать: «Одинокая»!

Он и к такой «вошел в доверие».

(Кстати, именно эта «невеста» опознала обманщика на Калининском рынке в Ленинграде, куда привезла свой меховой товар. У задержанного «жениха» в кармане были обнаружены три паспорта на разные фамилии.)

Судья, пытавшаяся пробудить в подсудимом хотя бы чувство стыда, спросила:

— Вам не приходило в голову, что вы калечите молодые девичьи души, убиваете в них доверие к людям, озлобляете?..

— Умнее будут,— ответил он.

— Да, фантазия у вас не богата.

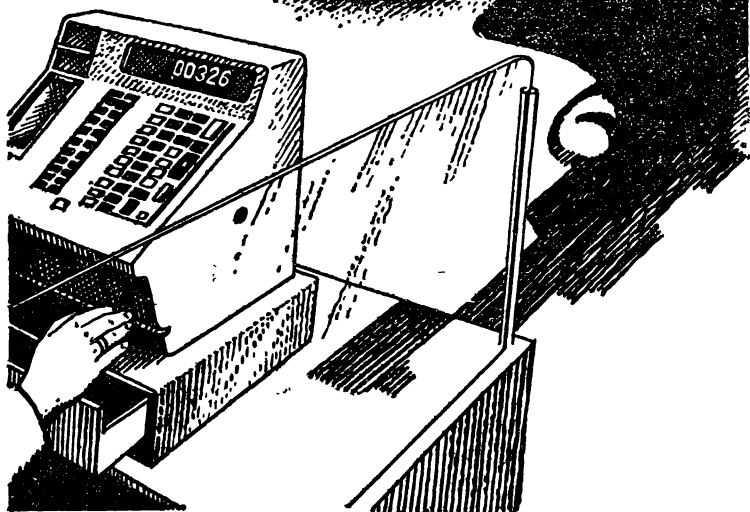
— А чего? И так получилось. Пусть на свою глупость пеняют...

На этом закончились похождения брачного афериста и тунеядца. Он был осужден на четыре года пребывания в исправительно-трудовой колонии общего режима.

Ну, а девушки, которые прочтут этот очерк, думается, станут более осмотрительны в выборе спутника своей жизни.

Наталья Реут

Две жизни

...Он еще не родился, когда девятнадцатилетняя Аня Кострикина впервые в своей жизни вышла на работу. Шел тяжелый и суровый тысяча девятьсот сорок первый год. Город, в котором она жила, поднимался на смертельную схватку с врагом.

Аня попала не в медсанбат, не в зенитчицы, как многие ее сверстницы, а на швейную фабрику. Здесь тоже работали для фронта, и она, с детства приученная к исполнительности и дисциплине, относилась к своему делу, как к очень важному и очень нужному для страны. Девушка отдавала работе все, что могла,— свою молодую энергию, изобретательность, горячее сердце. Никогда не смотрела на часы, никогда не довольствовалась вчерашним успехом.

Жилось трудно, было голодно и холодно, но, вслушиваясь в горестно-тревожные сводки Совинформбюро, Аня не думала о своих страданиях. Она только работала еще старательней и напряженней, и стрекот ее швейной машины казался ей иногда пулеметной очередью, выпущенной по врагу. И шли из-под рук Ани солдатские гимнастерки, десятками, сотнями сверх плана,

сверх задания. Ее хвалили, ставили в пример, а она лишь смущенно улыбалась: а как же работать иначе?

...Когда он родился, уже в послевоенные месяцы срок пятого, у нее за плечами был солидный трудовой стаж, была медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Потом Аня Кострикина много лет работала в скромной должности чертежницы в проектном институте, Скромной-то скромной, но люди из проектных организаций отлично знают, как много зависит от чертежницы. Стоит ей чуть замешкаться, не вовремя выполнить задание — и «горит» план, где-то тормозятся строительные работы.

К ней не раз обращались за содействием, особенно если дело было срочное. Знали, не откажет, не будет выяснять, положены ли ей дополнительная оплата, отгулы или какие-то льготы. Она понимала: надо — так надо. Пусть вечером, после работы, пусть сверхурочно, но сделает. Сделает хорошо. Не станет ждать похвалы, благодарности. В ней была органическая потребность помогать людям, не ожидая, не требуя ответной услуги.

После многих лет труда почувствовала Анна Степановна, что у нее стали побаливать глаза. И как ни привыкла она к коллективу, как ни тягостно было бросать привычное дело, но пришлось. Врачи сказали твердо и непреклонно: менять род занятий, чтобы не так напрягалось зрение.

Поступила Кострикина на должность кассира в ювелирный магазин «Рубин». И даже радовалась этому: работала не ежедневно, и можно было больше внимания уделять семье: как-никак росли у нее двое сыновей. Конечно, муж помогал, мужская рука для мальчишек очень важна, но и материнская ласка, материнский досмотр немало значат. Ребята росли добрыми, работающими, прилежными — в мать и отца. Краснеть за них не приходилось.

...Он тоже рос — Павел Дзубан, 1945 года рождения, 12 ноября. Запомним эту дату. Потому что через тридцать четыре года, на следующий вечер после его рождения, скрестятся пути Дзубана и Кострикиной.

Впрочем, об этом потом. А пока мальчик Павел, живущий в Донецкой области, еще ходит в школу. Он несколько мрачноват и замкнут, почти ни с кем из сверст-

ников не играет, не шаловлив, не задирист. Только вот чужие успехи словно бы огорчают его. Он вдруг может больно щелкнуть по лбу товарища, радующегося только что полученной пятерке, а может с остервенением застесаться за учебник и назавтра тоже получить отличную отметку. Вообще он упорен, в нем чувствуется сила воли: уж если чего надумает, действует, ни с чем не считаясь, пока своего не добьется.

Потом Дзубан окончит восемь классов, пойдет в училище, приобретет специальность электрослесаря. И ничем не проявит себя — ни хорошим, ни плохим. И все время будет чем-то недоволен. Поработает на шахте, ничего толком не достигнет, похорохорится да и махнет из Донбасса в Севастополь. Поступит на завод, но и там проходит в «середняках», вина за это не себя, а других, не заметивших якобы его исключительности. Он-то ее в себе давно заметил, только вот обстоятельства да недоброжелательность других мешают раскрытию его совсем не рядовых способностей! Ах, никто его не ценит, не замечает? Ну и пусть. И ему никто не нужен, обойдется без друзей-приятелей. Ведь, в сущности, кто они, эти люди вокруг него? Никто. Мелкота, вышедшая на глубокое дно только благодаря везению или чьей-то протекции!

Его снедали эгоистическое честолюбие и огромное самолюбие. Они заполняли его душу, становились главным и единственным двигателем его жизни. Ему хотелось вырваться вперед всех, стать выше, обеспеченнее других, заметнее...

Давайте говорить прямо. Честолюбие, если оно вызвано желанием честно и упорно трудиться, никого не отталкивая и не оскорбляя, если оно направлено на пользу людям, обществу, не замешано на яде корыстолюбия и эгоизма, — такое честолюбие может помочь человеку полнее раскрыть свои способности и направить их на служение общему делу. Ты растешь сам и своим добрым примером содействуешь росту других, тех, кто рядом, кто, как и ты, идет в ногу со временем.

Но беда, если это честолюбие обратного свойства, ни с кем и ни с чем не считающееся. Честолюбие «без берегов». Именно таким оно было у Дзубана. Он даже учился не для того, чтобы приобрести знания, профессию, а чтобы выдвинуться, хорошо зажить, ни в чем себе не отказывая. И план себе разработал для этого: десятилетка — университет (поступление в который облегчалось рабочим стажем) — аспирантура — за-

щита диссертации. Далее — безбедное существование, «стрижка купонов», как он выражался в кругу семьи.

Он, всю жизнь жаловавшийся на невезение, как-то подзабыл, насколько ему повезло с поступлением в университет на философский факультет. Подумать только: десятки юношей и девушек, намного лучше его сдавших вступительные экзамены, не прошли по конкурсу, а он со своим маленьким трудовым стажем и еще меньшим производственным вкладом был принят при одной тройке и трех четверках! Как же, трудовая книжка есть! А что не больно утруждал себя, искал, где можно поменьше работать и побольше «зашибать», — этого из записей в книжке не видно.

В университете он шел к цели все так же напролом. Считал, что общественные поручения мешают получать нужные отметки, поэтому — побоку поручения. Чтобы в будущем зацепиться в городе — срочно женился, но избранница оказалась с иногородней пропиской. Он, словно в отместку, стал изменять жене, а ее упреки опровергал кулаком. И промахнулся. Фигуральным образом. Потому что для дальнейшего продвижения к аспирантуре он считал необходимым обязательно вступить в партию, но в тот самый момент, когда должно было состояться заседание партийного бюро, жена, не выдержав, ушла от Павла Дзубана, а некоторые подробности его семейного быта стали известны товарищам, и коммунисты вполне справедливо сочли, что ему не место в партии.

Любопытная вещь: уже после окончания университета, когда Дзубан за шесть лет сменил четыре места работы и три раза — место жительства, он сделал еще одну попытку заполучить партбилет, и снова из этого ничего не вышло.

Он был нелюдим, неконтактен, не имел товарищей, друзей. Держался особняком. На деловых совещаниях о работе других говорил резко, высокомерно, с оттенком презрения. Критику в отношении себя просто-напросто отметал, считая ее придиркой, видя в этом чьи-то козни. Он становился все подозрительней, со скрежетом зубовным воспринимал чей-то успех, чье-то продвижение по службе или даже небольшое увеличение зарплаты. Полагал себя несправедливо обойденным, обиженным. Так было в Волгодонске и в Орле, где он работал на производстве, а потом в научном учреждении инженером-социологом, так было и в сельской школе, куда он неожиданно для всех устроился учителем.

Анна Степановна Кострикина с места на место не бегала. Работала в магазине, аккуратно вела кассу. Она была женщиной незаметной, скромной — из тех, кто не лезет вперед, не красуется, а честно и добросовестно делает свое дело изо дня в день. Такие не требуют к себе особого внимания.

Пожалуй, ее даже не замечали. Нет, «не замечали» — не те слова. Ибо стоило ей заболеть на несколько дней, как ее товарищи по работе вдруг начинали ощущать какую-то пустоту вокруг себя, которую и заполнить-то нечем. Ведь на таких честных тружениках, скромных, трудолюбивых, держава наша стоит. Работают они не ради славы, не ради наград или особых благ земных — просто по-другому жить не могут, это их духовная потребность.

Много радостей доставляли Анне Степановне сыновья. Учились хорошо, серьезно. Помогали, как могли, матери и отцу. Бывало, жильцы дома говаривали:

— Завидуем тебе, Анна Степановна, прекрасные ребята растут. Не то что наши оболтусы.

— Да что вы! — изумлялась Кострикина. — Какие же они у вас оболтусы? Напраслину на них, соседки, возводите. Это в них энергия молодая играет, вот и озоруют. Будьте к ним чуть поостроже и умерьте сюсюканье — увидите, что ваши ребятишки в порядке. Главное — доброту в них поощрить...

Она и сама была ко всем добра, благожелательна. Ее соседка, женщина пожилая, умудренная жизненным опытом, говорила:

-- Наша Анечка всегда к людям открытой была и поэтому очень нужной, желанной для нас всех.

Так же тепло отзывалась о ней и Светлана Федорова, директор ювелирного магазина. И не удивительно, что, когда Анну Степановну переводили на работу в другой магазин, более высокого разряда, где и зарплата выше, и почета побольше, коллектив устроил ей торжественные проводы. Многие даже всплакнули на прощание. И она плакала, принимая от коллег памятные подарки. Было это в 1976 году...

Примерно в то же время Дзубан, ночуя, по его словам, в общежитии завода, нашел под матрасом наган (семизарядный, с вертящимся барабаном) и к нему пять патронов. Инженер-социолог не опешил, не испугался, не кинулся в милицию. Он действовал так, будто всю жизнь

ждал такую находку: осмотрел наган, смазал его, аккуратно завернул в целлофан и зарыл.

Так, почти по Чехову, началось первое действие будущей трагедии. Помните? Если в первом акте на стене висит ружье, то в последнем оно должно выстрелить...

Без малого три часа проговорил я во время предварительного следствия с Дзубаном, но так и не получил внятного ответа на вопрос, зачем ему понадобился револьвер.

— Вы знали, что незаконное хранение и ношение огнестрельного оружия уголовно наказуемо?

— Знал,— коротко ответил он и, предвидя мой очередной вопрос, добавил: — Сдать боялся. Начнут спрашивать, интересоваться. Неприятностей не оберешься!

— Ну, допустим. В таком случае, вы могли его просто забросить куда-нибудь, кинуть в речку, наконец, чтобы соблазна не было...

— Кто же выбрасывает такую вещь?! — вполне искренне воскликнул Дзубан и начал теоретически обосновывать свою точку зрения: — Ведь еще в детстве мальчикам покупают игрушечные пистолеты, автоматы... А тут — не игрушка, настоящий наган! Какой же нормальный мужчина,— он так и сказал, с ударением на слове «нормальный», — выбросит его?

Потом Дзубан почти точь-в-точь повторит это в суде. Бывшая его вторая жена в свидетельских показаниях скажет, что он вообще любил стрелять, при каждом удобном случае забегал в тир и с упоением бил по мишеням. Бил метко.

Почему, спросите, жена вторая и тоже бывшая? Да потому что, женившись вторично, он через пять лет бросил ее. Вместе с сыном, которого, как уверял Дзубан, безумно любил. Тем не менее бросил. Плохая жена? Да нет. Тогда почему разошлись?

Объяснения были столь же путанные, сколь и нелепые. Видите ли, при его способностях они жили очень скромно. Он чувствовал себя ужасным неудачником: зарплата — средняя, должность — маленькая (инженер-социолог, потом — педагог). И это при том, что на него возлагались такие надежды! Некоторые его однокурсники (пренебрежительная мина) давно «защитились». А его, такого умного, знающего, не оценили по достоинству. Несколько раз он пытался поступить в аспирантуру, но... «все какие-то интриги, несправедливость». Мол, бездарей двигали в науку («ясное дело, блат, взятка!»), а его отвергали. Его, который на голову выше других!..

Получалось кругом худо. Прямо безысходность сплошная. Ему не дают всего того, что он заслуживает. Разве это жизнь — триста с чем-то рублей на троих? Из этих трехсот его вклад в семейный бюджет составлял двести, а то и меньше. А коль так, то и семья не нужна. Зачем неудачнику жена, ребенок?

Вот ведь как! Молодой, неплохо устроенный специалист, Дзубан именует себя неудачником. Государство затратило на его обучение немалые суммы, а он, еще ничего для своего государства не сделавший, хочет получать от него больше, чем другие. И самый короткий путь к этому видит в аспирантуре — неважно какой, неважно, при каком институте. Он легко менял профиль своих научных интересов, особой приверженностью к определенной теме не отличался. Да и не было у него любимой темы, кроме денежной. Наверное, поэтому после развода с женой «любящий отец» только один раз за два года прислал ей для сына 100 рублей. А ведь играл в благородного, обещал платить алименты без исполнительного листа...

Уязвленное честолюбие и корыстолюбие истачивали его душу. Он замкнулся в себе, на всех смотрел исподлобья, избегал встреч с бывшими однокурсниками, знакомыми. Ему было невыносимо слышать, что кто-то из них уже кандидат, кто-то руководит лабораторией, кто-то издал книгу...

Будучи учителем в сельской школе (последнее место его работы), он умудрялся жить одиноким волком. Ни с кем не общающийся учитель — это не только противостоит естественно, это страшно. Никогда нельзя заранее предвидеть, что такой человек выкинет. Дзубан и «выкидывал». То, как гласит официальная характеристика, «совершал действия, наносящие урон охране здоровья детей в пионерском лагере», то вызывал у своих коллег возмущение антипедагогическими поступками.

В суде выступали многие люди, знавшие его по учебе, работе, общежитию. Давали показания бывшая жена, двоюродный брат, из квартиры которого он уходил на задуманное им «дело». Адвокат, в полном соответствии с законом и с возложенными на него обязанностями, старался своими вопросами к свидетелям как бы высветить, обнажить хорошие черты в характере, облике подзащитного. Но люди мало чего могли сказать о нем хорошего. Начитанный, волевой. Даже очень. Знает немецкий — читал Гете в подлиннике, хотя и не любил этого поэта.

При ближайшем рассмотрении многое у Дзубана оказалось позой, игрой на публику. В том числе и любовь к сыну. А сила воли была какой-то недоброй, злой, «с отрицательным значением», как говорят математики. Он читал специальную литературу, но не для обогащения знаниями — для финансового обогащения. Из «чистой» литературы предпочитал детективы, в том числе и на немецком языке. При обыске у него как раз нашли такую — «Убийство без мотивов». И кинофильмы детективные обожал. Как подтвердил в суде, пересмотрел почти все. Последний — «Похищение „Савойи”» примерно за час до совершения преступления.

Дзубан читал и смотрел такого рода вещи не так, как все, а словно штудировал пособие, учебник по криминальным делам. Старательно подмечал и анализировал ошибки воров, взломщиков, убийц, грабителей, мысленно называл их последними дураками за то, что попадались на пустяках, запоминал обстановку, методы действий следователей, примечал технику, которой они пользовались. Старательный был ученик!

Думается, мы порой очень легкомысленно относимся к детективному жанру. Я имею в виду пишущих и снимающих. В погоне за занимательностью иногда «выдаются» такие рецепты для потенциальных преступников, что за голову хватаешься.

В самом деле: смотришь иную детективную кинокартину или читаешь такую же повесть — и «технология» преступления предстает перед тобой в мельчайших подробностях, многие из которых, если вдуматься, совершенно лишние. А вот роль своеобразного «ликбеза» для желающих они выполняют исправно, хотел того автор или не хотел. Увиденное или прочитанное так или иначе оставляет след в нашем сознании, в том числе и вредный след. Тому, кто хочет украсть, ограбить или даже убить, начинает казаться, что он набрел на перспективный вариант осуществления своих преступных замыслов, надо его только дополнить, исправить с учетом тех ошибок, которые привели к провалу в детективном произведении. И тогда все будет хорошо, никакой хитроумный майор Пронин не докопается!

Одним словом, читай, смотри, наматывая на ус, учись на ошибках предшественников, пусть даже литературных, киношных. Нет-нет да и находятся рискованные ученики, учитывают...

...Анна Степановна Кострикина воспринимала такие вещи совсем по-иному. Старший кассир ювелирного магазина Зинаида Трофимовна Никоненкова вспоминает:

— И вот что еще не могу я забыть. Однажды в обеденный перерыв заговорили мы об одном телевизионном детективе, в котором грабят кассиршу. В шутку стали обсуждать, как бы мы повели себя в подобной ситуации. А Анна Степановна вдруг тихо так и совсем серьезно говорит: «Я, девочки, ни под какой угрозой деньги казенные не отдала бы».

Этот разговор имел продолжение дома. И там перед мужем и сыновьями — перед близкими людьми, при которых часто говорится и делается совсем не то, что вне дома, Кострикина точь-в-точь повторила слова, сказанные ею товарищам по работе. Человек цельный, честный, человек долга, она оставалась такой везде и со всеми. Не было в ней никакого двоедушия, двуличия, когда один лик на людях, другой дома.

...12 ноября 1979 года Дзубану исполнилось 34 года. За несколько дней до этого он, допущенный наконец к экзаменам в аспирантуру, не попал в нее — не прошел по конкурсу. И опять он винил не себя, а других, не признавших в нем гения. Был мрачен, зол на весь мир и кому-то из знакомых даже ляпнул, что для него «все кончено». Мол, такой возраст — и ничего не сделано для славы, а главное — для обогащения. Позер, он разыгрывал из себя жертву, человека, готового к самоубийству. На суде говорил, будто зарядил наган тремя патронами, прокрутил наугад барабан и нажал курок. Дескать, на счастье: попадетс ячейка с патроном — умрет, нет — будет жить.

Ему повезло. Тем не менее 12-го он не радовался, не веселился, как это бывает в день рождения, а злился и негодовал, вспоминая свои «неудачи». Поскольку он не имел ни друзей, ни приятелей, то пребывал в тот день в одиночестве. Всячески взвинчивал себя. Он вообще тяжело переносил дни своего рождения. Вот достиг бы чего великого — собрал бы гостей, похвастался...

...В тот же вечер, когда Дзубан в мрачном одиночестве принял изрядную дозу спиртного, одна из работниц магазина разговаривала по телефону с кассиром Кострикиной, которая болела, была дома. Среди про-

чих новостей сообщила, что неожиданно увезли в больницу другую кассиршу и работать за кассовым аппаратом буквально стало некому. Конечно, собеседнице и в голову не приходило намекать, чтобы Анна Степановна вышла на работу: больна же!

Но Кострикина была человек обязательный, совестливый, готовый всегда прийти на выручку. И просить не приходилось, сама догадывалась, кто в помощи нуждается, и тут же оказывала ее — тихо, незаметно, смущаясь от благодарностей. Вот почему, поговорив с сослуживицей, она тут же подумала: «Выйду-ка я завтра на работу. Чувствую себя, кажется, получше, надо помочь».

Между прочим, чувствовала себя Анна Степановна не лучше. Ведь она (знали об этом самые близкие) перед этим много и долго болела, два года на инвалидности была и уже на пенсии. Но решила еще немножко поработать. Ей летом местком предоставил хорошую путевку в санаторий, и неловко было сразу уходить после этого, неблагодарно как-то. Думала: «Вот посижу до конца года в кассе, а с января уйду, как говорится, на заслуженный отдых».

13 ноября утром отправила она своих хлопцев на учебу, накормила мужа и поехала на работу. Ей, конечно, все были рады и благодарны.

Трудовой день начался. Последний в ее жизни. Потому что именно в этот день скрестились пути пятидесятишестилетней Анны Степановны Кострикиной и тридцатичетырехлетнего, уже несколько месяцев нигде не работавшего и нигде не прописанного Павла Дзубана.

...В это утро он извлек из чемодана наган и зарядил его. Взял кусок шпагата, один конец привязал за кольцо нагана, другой — за брючный ремень (зачем — станет ясно позже). Сунув оружие за пояс, вышел из дому.

Сперва погулял, успокаивая нервы. Увидев очередь за мандаринами, встал. Стоял чинно, не пытаясь никого обойти: до его времени «икс» было еще далеко, зачем же торопиться.

В два часа дня он сидел в кинотеатре и смотрел детектив «Похищение „Савойи“». В темноте наслаждался мандаринами. Он их очень любил.

Мандарины и предстоящее не лишили его аппетита. После сеанса он зашел в кафе, прихватив с собой четвертинку, плотно пообедал. К выпитой водке заказал

еще полстакана джина. Наверное, внутреннее напряжение все-таки сказывалось, потому что опьянения он не почувствовал, на ногах стоял твердо.

В семнадцать сорок пять вошел в магазин. На первом этаже и на втором народу было порядочно. До последнего «акта» трагедии, когда, по Чехову, висевшее на стене ружье должно выстрелить, оставалось пятнадцать минут. Еще можно было испугаться, одуматься. Даже в последние мгновения, которые, как в песне, могут принести кому позор, а кому бессмертие.

Дзубан не испугался, не одумался. Его злая сила воли сработала...

...Примерно в восемнадцать часов на второй этаж магазина поднялся мужчина в солнцезащитных очках, с черной хозяйственной сумкой. На руках — черные перчатки. Дальнейшее полностью совпадает с тем, что было доказано следствием и судом, показаниями свидетелей. Один из них — старший продавец Валентина Иванюгина, ближе всех стоявшая к месту разыгравшейся трагедии и больше других сохранившая самообладание и запомнившая происходившее вплоть до деталей.

Валентина стояла за прилавком в нескольких метрах от кассы, где сидела Кострикина. В этот пасмурный день человек в темных очках не мог не обратить на себя внимания, тем более в очках из дешевой пластмассы, солнцезащитных, а не лечебных. Они как-то не смотрелись. Иванюгина проследила за ним взглядом, увидела, как он подошел к Анне Степановне и что-то сказал ей. Та удивленно глянула на него, и тут Валентина заметила в руке у Дзубана (а это был он) оружие. Одновременно услышала:

— Стоять всем на месте! Буду стрелять! Давай деньги!

— Вы что? Шутите? — спросила Кострикина.

Но грабитель изо всех сил рванул тонкое полистироловое ограждение кассы, истерически громко заорал:

— Давай деньги, иначе стреляю! — Направив револьвер на растерявшихся покупателей, он несколько раз повел им из стороны в сторону и снова скомандовал: — Всем стоять на месте!

Валентина хотела было броситься в дверь, находившуюся за спиной, но Дзубан, заметив ее движение, крикнул:

— Стоять!

Все остальное длилось не более трех минут. Анна Степановна успела закрыть кассовый аппарат с деньгами, отбросить кинутую ей черную сумку, чуть отстраниться от упершегося ей в бок нагана и нажать кнопку тревоги. Раздался резкий звонок, и тотчас же, прокричав «Стреляю!», Дзубан дважды нажал на спусковой крючок...

Дежуривший в магазине старший сержант милиции Владимир Барсков принял сигнал и опрометью бросился в торговый зал на первом этаже. Там было все спокойно. Секунда — и Барсков на лестнице, ведущей на второй этаж. Оттуда к ней бросился и Дзубан.

Они стремительно сближались, два молодых человека, на вид почти ровесники, — бандит и милиционер. Держа пистолет в руке, но не стреляя, чтобы случайно не попасть в людей, старший сержант бежал зигзагом. Он понял, что грабитель сейчас выстрелит, и хотел таким маневром помешать ему прицелиться. И Дзубан действительно выстрелил. Дважды. Ему все же удалось ранить Владимира, но Барсков, применив прием, выбил у него из рук оружие, и уже пришедшие в себя после испуга покупатели бросились милиционеру на помощь. Остервеневший Дзубан пытался дотянуться до нагана.

Тут, наверное, самое время вспомнить о шпагате, привязанном к нагану. Помните? Дзубан, без конца твердивший потом об отсутствии у него заранее разработанного плана, на самом деле предусмотрел и то, что если его попытаются задержать и при этом выбьют оружие из рук, наган не отлетит куда-нибудь в сторону, а повиснет на шпагате. Раз — и ты снова при оружии.

Однако шпагат успели оборвать, грабителя обезоружили, а для пострадавшей вызвали «скорую».

Но Анне Степановне уже ничто не могло помочь: она скончалась на месте.

Когда мрачным ноябрьским днем ее хоронили, к дому, где она жила, пришли сотни людей — знакомых и незнакомых. В гробу, осыпанном цветами, точно живая, лежала женщина с добрым и храбрым сердцем, остановленным бандитской пулей. А люди все шли, несли цветы, передавали их по цепочке к гробу и склоняли головы перед человеком, до конца исполнившим свой долг.

Родина высоко оценила подвиг Анны Степановны Кострикиной: посмертно она была награждена орденом «Знак Почета». А старший сержант милиции Владимир Барсков удостоен ордена Красной Звезды.

...На следствии и суде Дзубан играл роль человека, не дорожающего жизнью и стремящегося только к восстановлению истинного хода событий. Истинного в его понимании. Он строил свою защиту на отсутствии умысла на убийство и хищение особо крупной суммы денег. Ему, видите ли, нужно было всего пять тысяч, чтобы дать (послушайте только!) «взятку для поступления в аспирантуру». Он и эту свою мечту опоганил, шел к ней преступным путем: ведь взятка — уголовное дело. Впрочем, все это нагромождение уверток со взяткой, безысходностью положения, муками по поводу незадавшейся жизни, — только балаганная игра, только жалкая соломинка для спасения, попытка разжалобить судей.

— Я не хотел убивать, хотел только попугать оружием, — твердил Дзубан.

— Но тогда не стоило заряжать наган.

Молчание. Потом новая версия:

— Я хотел не убивать, а только вывести из строя, чтобы убежать...

— Тогда и вовсе не стоило стрелять. Вы же слышали сигнал тревоги. Можно было броситься бежать, не открывая огня. Кострикина, находясь в своей тесной каске, не могла бы вас задержать при всем желании.

На прямые вопросы следователей он отвечал изворотливо, путано. Искал лазейки, чтобы избежать исключительной меры наказания — смертной казни. Юлил, выкручивался и тут же снова разыгрывал из себя такого супермена, не боящегося смерти. Он даже отказывался от адвоката: дескать, сам справлюсь. Но адвоката ему назначили, ибо этого требует закон.

На суде — та же маска, та же тактика, плюс «новинка»: ничего не помнит, что было в те сто восемьдесят секунд, однако вполне якобы доверяет показаниям свидетелей. Но ни одного прямого признания. Даже при осмотре вещественных доказательств. Ему предъявляют его черные перчатки. «Да, похожи на мои». Наган? «Да, вероятно, такой был у меня». Очки? «Да, надевал подобные очки». Получалось, что все это не его, не ему принадлежащее, а нечто похожее, подобное.

В последнем слове он опять не только актерствовал, но и кошунствовал, прося извинения у потерпевших — у мужа и сыновей убитой им женщины, у раненого милиционера, у свидетелей, которые тоже могли стать жертвами его стрельбы. Рисуюсь, изрек: «Приму любой приговор». Будто в его силах было изменить что-то в свою пользу.

После трехдневного судебного разбирательства Дзубана приговорили к исключительной мере наказания. Людей — полон зал. Они удовлетворены приговором. Они ждали именно такого. Но выходили из зала все какие-то удрученные, подавленные. Потому что они — люди честные, хорошие люди, которым стало тоскливо, муторно от всего случившегося. У них совсем иные взгляды на жизнь, совсем иные моральные устои.

Великий педагог и знаток души человеческой Василий Александрович Сухомлинский писал: «Я все больше убеждаюсь в том, что нравственное начало, которое надо утверждать в каждом человеке, — это прежде всего способность относиться к жизни человеческой как к величайшему богатству. Способность беречь, оберегать чужую жизнь».

Дзубан ни в грош не ставил чужую жизнь и поплатился за это собственной.

Яков Шестопап

Двое в подъезде

I

В тот день Олегу Смиту предстояло работать во вторую смену. Поэтому он был еще дома, когда около полудня в квартиру позвонили. На лестничной клетке стояли двое парней.

— Слушай, хозяин, мыла не найдется случаем? — попросил тот, что был повыше ростом, с сумкой, перекинутой через плечо. — Радиатор, будь он неладен, потек...

Смит сам шофер и ничего странного в такой просьбе поначалу не усмотрел. Каждый профессионал-водитель знает: если радиатор дал течь, мыло — наипервейшее подручное средство. Долго, разумеется, держать не будет, но на небольшое расстояние, скажем до гаража, когда он всего за несколько километров, вполне дотянешь. И предусмотрительный водитель непременно возит в багажнике кусок хозяйственного мыла. В конце концов, всегда понадобится помыть руки, а места много не занимает.

Чувство взаимовыручки для Смита, как и для большинства водителей, вторая натура. Да и как иначе? В городе еще ладно, тут случись что — всегда с парком по телефону можно связаться. А если на трассе поломка — на кого рассчитывать? Только на своего брата шофера, который не прогазует мимо, остановится; жертвуя временем, поможет устранить неисправность. Не безразлично настоящему водителю, отчего, приткнув к обочине или к поребрику свой автомобиль, поднял коллега капот. Вот и сейчас.

Взяв было в руки книгу, от чтения которой оторвал звонок, Смит снова положил ее на стол, сказал жене:

— Пойду гляну, может, еще какая помощь требуется. Может, воды придется ребятам в радиатор добавлять...

Но во дворе не было ни одной машины. «Уехали, значит», — пожал Смит плечами. Шагнул обратно к подъезду — и невольно приостановился. Те двое, что просили мыло, вошли в третью парадную. Смутные подозрения шевельнулись в душе. Подошел к дверям той парадной, прислушался — нет, кажется, обеспокоился зря, все тихо. И тут увидел прогуливавшегося в стороне еще одного незнакомца. И то ли в связи с возникшими подозрениями, то ли так было и на самом деле — показалось, что парень начеку, цепко держит в поле зрения подходы к дому.

— Ты что здесь делаешь? — поинтересовался Олег.

— Дышу... Я здесь живу. Не видел, что ли, раньше? Я-то тебя часто вижу, между прочим...

Таков нынче городской быт. Годами, бывает, обитают люди в одном доме и не знают о существовании друг друга. «Да что в доме, по одной лестнице порою ходят — за труд считают словом перемолвиться, — размышлял Смит, направляясь к себе. — Так чего удивляться, что и я этого парня прежде не встречал?.. Хотя по-стой, не первый же год здесь. За это время ни разу не представился случай встретиться?.. Темнит. А раз так — не с теми ли он двумя? И мыло — предлог, проверяли, есть ли кто дома?..»

— Не нравится мне вся эта история, — поделился с порога сомнениями с женой. — Попросили мыла, а машины-то у них нет... Зачем-то в третью парадную пошли. На улице еще один какой-то фрукт околачивается. Утверждает, что живет в нашем доме, а сам как на стреме стоит...

— Думаешь, те?

Некоторое время назад в этом доме по улице Крыленко было обкрадено несколько квартир. Вору удалось скрыться. Но милиция не исключала, что они вновь наведуются, просила жильцов незамедлительно сообщать, если заметят что-либо подозрительное. И сейчас Смит, анализируя поведение незнакомцев, размышлял: а не их ли как раз и разыскивает милиция?

— Думаешь, те? — повторила вопрос жена, не дождавшись ответа.

— Не знаю, но типы странные. Подожди-ка, — Смит подошел к окну, — гляну, что там на улице... Смотри — вот он.

По дорожке быстро шагал один из просивших мыло. Дойдя до угла корпуса, остановился. Вроде как перемолвился с кем-то. Так же быстро направился обратно, свернул в тот же третий подъезд. Подозрения у Смита усилились еще больше. Рванул к двери:

— Соседей крикну...

По счастью, еще в трех квартирах мужчины в этот час оказались дома. Поняли все с полуслова. Вместе кинулись выяснять, что за личности бродят по подъездам. В тот момент, когда выскочили на улицу, из-за угла выкатился таксомотор, остановился у торца здания. Рядом с водителем сидел парень, несколько минут назад утверждавший, что живет в этом доме. Оба насторожены. И тут Олег окончательно решил: дело неладное.

— Мастер, — предупредил водителя, — стой здесь, не вздумай уезжать. Иначе у тебя будут большие неприятности. Я запомнил твой номер...

Таксист и «пассажир» ухмыльнулись. А Смит, не дожидаясь ответа, кинулся в третью парадную, куда уже заскочили его соседи. Осмотрели двери на первом этаже — нет следов взлома. Все в порядке и этажом выше, и на третьем. На всякий случай подергали

за ручку одну дверь, вторую — на замке, заперты плотно. Но когда потянули на себя дверь третьей квартиры, показалось, словно кто-то держит ее изнутри.

— Покарауйте, — попросил Олег. — Я мигом, милиции надо сообщить.

Выскочил из подъезда — такси исчезло.

Рассказывает бывший заместитель начальника 24-го отделения милиции по уголовному розыску старший лейтенант Ю. И. Гаврилов:

— Сейчас то время вспоминается как дурной сон. Да и не мудрено. Дня не обходилось в Веселом поселке без краж. А видеть состояние людей, у которых какие-то подлецы побывали в квартире, не самое приятное в нашей работе.

На анализ обстановки выкраивали время рано утром и поздно вечером. Остальное — осмотр мест происшествий, опрос жильцов. По всему видели: орудуют одни и те же лица, досконально изучили их почерк — ну, имеется в виду метод, которым проникали в квартиру, что из вещей брать предпочитали. И масса других деталей... Но вот такая вот зацепка, чтобы за хвост уцепиться, — увы. Словно невидимки разгуливали. И вещи украденные не объявлялись.

Едва ли не весь уголовный розыск нашего отделения занимался этими происшествиями — старший инспектор капитан Козловский, лейтенанты Лепешка, Антонов, инспектор Бовыкин. Главное управление внутренних дел направило в помощь старшего инспектора по особо важным делам капитана Георгия Камышенцева. Невский райисполком выделил дружинников.

Раскрыли попутно несколько преступлений, в том числе квартирных краж. Однако взломщики, которых мы искали и чей почерк, повторяю, хорошо успели изучить, в поле зрения не попадали.

Камышенцев. Чувствовали: ходим где-то рядом, вот вот зацепимся за ниточку. И тут — звонок Смита...

Прибыли. Дверь взломана. Уложены в сумку вещи. Из окна свешиваются скрученные простыни. По ним, как потом выяснилось, спустились двое преступников.

Почерк знакомый. Вероятнее всего, «поработали» те, кого ищем. Но теперь-то у нас кое-что имелось — номер такси: 22-31. Смит запомнил. Затеplилась надежда: теперь-то все, у цели. Но насколько же мы еще были далеки от этой цели.

Спешно дали информацию по рации — задержать такси, сообщили приметы «пассажиров». Наш товарищ

срочно выехал во второе таксомоторное объединение. Машина 22-31 стояла в парке, водителя Сергея Баранова (здесь и далее некоторые фамилии изменены. — Авт.) не нашли, хотя смена заканчивалась у него в десять вечера. «Радиатор потек», — пояснила диспетчер. Но радиатор оказался в целости.

И вот о чем умолчать не могу. В таких случаях каждая минута для нас дорога, вот уж воистину — куй железо, пока горячо. А наш коллега битый час выяснял, кто водитель машины. Не мог ни от кого в парке получить вразумительного ответа.

Дома Баранова не застали тоже. Решили ждать. К счастью, на той же лестничной площадке живут знакомые старшего лейтенанта Гаврилова. Мы — к ним. Обрадовались: «Ну, Юрий Иванович, наконец-то в гости пожаловал, не чаяли дождаться». А он в ответ руками разводит: мол, прошу извинить, визит не совсем обычный... Как ваши соседи? «Чтонибудь случилось?» — забеспокоились. Да нет, говорим, пока просто интересуемся. «В общем-то, на наш взгляд, народ вполне приличный. Правда, как и вся нынешняя молодежь, повеселиться любят, гостей приветчают. Так ведь это не возбраняется. А в принципе — вежливые, пьяных свар не бывает».

Вот такие пироги с утиной: вежливый, в вытрезвителе не бывал, в темных делах не замечен, а мы в нем злоумышленника подозреваем. Никакой логики.

Разместились с Юрием Ивановичем на балконе, откуда двор — как в кино широкоформатном. На скамейке внизу «пьяный» разговор Бovyкин с Антоновым ведут, бутылку пива который час «мучают». Ну а у нас комфорт: хозяйка только чай успевает подносить.

II

...Употребив слово «комфорт», Георгий Иванович улыбнулся, вспомнив, надо полагать, не столь давний случай из своей практики, когда он и Гаврилов с оперативной группой трое суток просидели в полном воды подвале. Чай им, естественно, не подавали — спасал кофе, прихваченный с собою в термосах. В подвале преступник — В. Б. Нагорный — устроил тайник и должен был, по всем расчетам, появиться там. Трое суток ожиданий кому угодно покажутся бессмысленными. Но Камышенцев настаивал: нужно ждать, придет.

Камышенцев. И сейчас не могу без улыбки тот случай вспоминать. Сидим в темноте. А ну как кто-нибудь нечаянно в подвал забредет — а мы на него, невинного,

набросимся? Как распознать — тот явился или нет? А преступник ковры украденные к трубе аккуратно при-слонил. Мы их взяли и проволочкой прикрутили... Чу, осторожные шаги. Ближе, ближе. Слышим — потянул на себя ковры, а они как прилипли к трубе. Мгновенно ведь сообразил преступник — дело неладное, ходу. А с нами участковый был — прыг, ухватил за шубу, как клещами вцепился.

Но вернемся к нашей истории. Время за полночь перевалило, а «соседа» все нет. И тут Юрий Иванович в бок меня толкает. Смотрю вниз — рушится наша дис-позиция. Ответственный момент должен с минуты на минуту наступить, а к Бовыкину с Антоновым двое в изрядном подпитии подошли, трояк требуют. Пьяного скандала сейчас, думаю, только и не хватало. Антонов им — слышим: «Мужики, будет трояк, даже больше. Сейчас братишка из дома должен выйти, у него пол-ный мешок денег для вас припасен». Те переглянулись между собой. «Поняли,— говорят,— поняли»,— и тихо-нечко ретировались.

Гаврилов. Заявился Баранов около часу ночи. Со спутником. Позднее, разумеется, мы с ним познакоми-лись: В. А. Дрожкин, отбывавший наказание за квар-тирные кражи. Не доходя до дома, они переоделись. Баранов (а мы представляли четко, как он выглядит,— фотографию в его квартире видели) натянул куртку Дрожкина, тот — его свитер. Не успели к парадной по-дойти, выскакивает приятельница Баранова — Козина, быстро шепнула что-то. Он разворачивается — и за угол. Но там уже Саша Антонов ждал, мастер спорта по дзюдо, который в случае чего не одного — троих поло-жит...

Камышенцев. Случилось то, чего в душе мы в об-щем-то опасались. Баранов «выдал» алиби. Не отрицал, что приезжал на улицу Крыленко — подвозил троих пассажиров. Кто они, откуда — не знает, увидел впер-вые. Внешность? У всех короткая стрижка, одежда — обычная, неприметная, на остальное-де не обратил вни-мания.

Врал беспардонно: и Смит, и другие жильцы дома утверждали, что «пассажир», сидевший рядом с води-телем, был подзаросший. И у тех двоих, что в квартиру Смита звонили, стрижка некороткая. Да и во всем остальном приметы не совпадали. А на вопрос: «Почему раньше срока вернулся с линии?» — тот же стереотип-ный ответ: «Потек радиатор». Возразили: цел, мол, ра-

дитор-то. «Неужели? А мне показалось — потек». — «Почему уехал от дома, несмотря на предупреждение?» — «Да просил меня там один клиент обождать: ехать, что ли, с нами хотел? Но в салоне был пассажир, он велел трогать, и водитель обязан выполнять волю того, кто сел первым. Да и вообще посадка в такси правилами запрещена». — «Чем вызвано переодевание?» — «Давно просил Дрожкин куртку продать, уступил ему наконец. А самому не ходить же раздетым? Одолжил на время свитер». — «Другого момента не нашлось?» — «Так совпало. Какую, в конце концов, роль играет, где отдал и когда? Никак уразуметь не могу, что вам от меня надо, в чем моя вина?»

Атлетически сложенный — занимался метанием диска, копья, — он и держался спокойно, невозмутимо. Отвечал — будто приценивался к каждому своему слову.

Не добавил ничего и разговор с Дрожкиным. Встретились, мол, с Барановым случайно, в баре. Живут в одном доме, оттого и возвращались вместе. «И вообще, — сказал Дрожкин, — зря прицепились к Сереге. Я его со школы знаю. Парень он честный, неспособный на авантюры». Предъявили фото Дрожкина в числе нескольких других фотографий Смиты — не опознал. Вернее, точно утверждать не брался: вроде что-то есть общее с одним из взломщиков. Мы вынуждены были отпустить Баранова, а затем и Дрожкина.

Гаврилов. Ох и тошно было на душе. Все концы, получилось, обрублены.

Камышенцев. Одного боялись: если шли по ложному следу, если упустили настоящих злоумышленников, кражи так и останутся нераскрытыми.

Тут почему-то кражи в районе вдруг прекратились. Месяц, второй, третий — тишь. «Ну что, — говорю, — Юрий Иванович, тишина и покой». — «Смотри, — отвечает, — не сглазь».

И верно, будто сглазил. На следующий день по проспекту Большевиков три квартиры сразу обчистили, одну — на Народной...

III

...Легко могу представить состояние и старшего лейтенанта Гаврилова, и капитана Камышенцева. От уголовного розыска ждут сиюминутного результата. Но проходят не дни и даже не неделя... Какой следует вывод? Бездействует милиция...

Камышенцев и Гаврилов привыкли молча проглатывать такие пилюли. Не станешь же в самом деле объяснять, что для того же Камышенцева отнюдь не безразлично, как складывается обстановка

в Невском районе. И не только по долгу службы. Все случившееся здесь принималось близко к сердцу вот еще по какой причине. Это его родной район. Здесь родился, вырос, окончил школу. Отслужив в армии, по комсомольской путевке пришел в уголовный розыск 24-го отделения. Отсюда перевели в Главное управление внутренних дел.

Не всегда, наконец, объяснишь людям и самое главное: засады, задержания — это, конечно, эффектно. Но это венец розыскной работы. А предшествует ей незаметная для посторонних глаз, изнурительная работа — оперативная.

Когда Камышенцев и его коллеги взяли в подвале Нагорного, о котором упоминалось выше, оказавшиеся при сем невольные свидетели были потрясены: вот-де как ловко сработано. А сколько сил было потрачено, чтобы добраться до преступника — «автора» многих квартирных краж, открыть его тайник, рассчитать, когда осторожный Нагорный явится за краденым...

Камышенцев. Хотя у Баранова вроде бы было алиби, подозрения наши не рассеялись. Почему? Ну, если хотите, называйте это интуицией. Только из поля зрения его не выпускали.

Первым, кому он нанес, причем с предосторожностями, визит, был В. В. Иванцов. Личность тоже, замечу, требовавшая основательной проверки. Нигде не работал, а снимал со своей подругой — И. А. Рыжовой — квартиру на проспекте Ветеранов. Она кассир в кино-театре «Спутник». Зарплата не ахти. Невольно возникал вопрос: из каких средств расплачивались за квартиру, на что, в конце концов, жили? Когда Рыжовой требовалось уйти с работы, она давала три рубля сменщице, чтобы та «поддежурила». Больше того, неоднократно предлагала сослуживцам изделия из золота, джинсы, меховые шапки... Те, правда, не покупали у нее ничего, но и милиции, к сожалению, не порекомендовали поинтересоваться, свое ли распродает кассир.

Гаврилов. Немного времени спустя обнаруживаем Иванцова, как ни странно, и в обществе Дрожкина. Дружба связывала их довольно тесная. То Иванцова видели на квартире у Дрожкина, то — наоборот, то вместе ночевали у родителей Иванцова. Какие интересы объединяли эту троицу — Дрожкина, Иванцова и Баранова?

...Позднее Дрожкин — самоуверенный и наглый, изворачивавшийся до последнего момента перед лицом бесспорных улик — признается: «Вроде рядом никого не замечал, а ощущение было такое, будто кто-то постоянно дышит в затылок».

Гаврилов. Компания, словом, подбиралась теплая. Не хватало четвертого. В это время был арестован некто А. А. Филькин, совершивший с приятелями кражу на Кировском проспекте.

Камышенцев. Фамилия для нас оказалась новая, прежде нигде не мелькала. Но что настораживало: загадочный треугольник — Дрожкин, Иванцов, Баранов — не пропустил ни одного судебного заседания по делу Филькина. Являлись, как на работу, в полном составе. Напрашивалась мысль: а не четвертый ли перед нами из числа тех, кто побывал на Крыленко? Не рассеяло сомнения и то, что на суде Филькин «брал все на себя», участие в других кражах полностью отрицал.

IV

...К той поре у сотрудников уголовного розыска скопилось достаточно фактов, и Камышенцев обратился к руководству: одним не управиться, нужна помощь.

Подключили старшего инспектора по особо важным делам подполковника В. Т. Антифорова. Вместе решили еще раз тщательно перепроверить имеющуюся информацию, ценность которой уже не вызывала никакого сомнения. Но события повернулись иначе. Разошлись за полночь, а утром — телефонный звонок: Дрожкин с Иванцовым вышли из дома. У Дрожкина в руке сумка. Поскольку успели «поиздержаться», надо думать, прогулка не случайная. Взяли такси.

Антифоров. Готовы были мы к такому ходу — «навязались в попутчики», держимся в пределах видимости. На улице Димитрова наши «подопечные» машину отпустили, следуют дальше пешком. Мы — тоже. Дворами Иванцов и Дрожкин вышли на Альпийский переулок, скрылись в парадной дома 45.

Твердо знали мы: здесь знакомые у них не проживают. Значит, пришли...

Из дома появляются уже с полной сумкой. У Дрожкина под мышкой плотно набитый полиэтиленовый мешок. Ясно — с «добычей».

...Обобрали женщину, инвалида. Пока ходила в магазин, унесли полученную накануне пенсию, вещи, книги...

Антифоров. А тут трамвай: остановка — рядом. Они — бегом. Настигли их, выхватили почти из вагона. Дрожкин вырвался — бежать. Далеко не ушел...

Вещи рассыпались. Народ собрался. В чем дело, ясно всем, хотя мы и в штатском. Вдруг от толпы отделяется высокий, плотный, лет тридцати пяти мужчина и со всего маху бьет Иванцова по лицу. Мы его за руки — отставить самосуд. Иванцов кричит: «За что?» Тот в ответ: «А это тебе, сволочь, от рабочего класса, чтобы не воровал...»

Гаврилов. Уже через час, не откладывая, — на обы-

ски. Нагрязнули одновременно в четыре квартиры — к Дрожкину, Иванцову, их родителям.

...На проспекте Ветеранов казус вышел. Опергруппа, прибывшая сюда, докладывает: стучим, звоним — никто не отвечает. Видимо, нет Рыжовой дома, что делать? Камышенцев предупреждает: «Пока не уезжайте». И сразу же сообщение из квартиры Иванцовых — там уже проводил обыск старший инспектор по особо важным делам майор М. А. Бадю из Главного управления:

«Звонила только что Рыжова. Спрашивала, как ей быть. «Все тут, а милиция собирается двери ломать». Приняла меня по голосу за Иванцова. Ну, я шутя и ответил ей: «Пусть ломают». Соображай, Георгий, кто еще у нее там, принимай решение».

Камышенцев. Соображаю: действительно, кто это «все»? Новая группа, которую мы ухитрились проморгать? На две машины — и на Ветеранов. За дверью — тишина. Берем понятых, вскрываем двери. Рывком в квартиру. Кроме Рыжовой, ни души.

Оказалось, Рыжова говорила не «все в квартире», а «всё», имея в виду наворованное. Тут Марк малость напутал. Но верно говорят: нет худа без добра. Благодаря звонку Рыжовой лишний раз убедились: прячется она дома. А стали вещи собирать, глаза удивленно округлила: «Я и не знала, что это чужое».

Одну из комнат в отделении всю загрузили изъятymi вещами при обысках.

...Встречаются они — такие люди. Всем очевидна ситуация — они разыгрывают из себя наивных, вскидывают удивленно глаза: дескать, ведать не ведала, слышать не слыхала. Хотя как не ведать, если жила бок о бок с Иванцовым?

Гаврилов. В тот же день поздно вечером решили брать Баранова. Настал черед.

Камышенцев. Его роль в группе окончательно определилась после допроса Иванцова: обеспечивал «транспортом» преступников. Но задержать следовало так, чтобы не всполошилось окружение.

Звоню Баранову домой:

— Тебе привет от Фили.

— От какого еще Фили?

— От Филькина. Вместе обретались. Письмишко у него к тебе. Мне задерживаться в городе не резон. Решай скорее.

— Брось в почтовый ящик.

— Надо еще на словах кое-что передать.

— Где встретимся?

— У «Вены». На мне будет...—Приходит на ум, что у Юрия Ивановича большая бобровая шапка.— В шапке буду бобровой, куртка с капюшоном.

Надвигаю шапку на глаза, накидываю капюшон, натягиваю свитерок повыше. Вышагиваю взад-вперед, поглядываю исподлобья. Прохожие обходят стороной.

Появился Баранов и сразу:

— Где письмо?

— Не здесь же, давай хотя бы за угол зайдем.

Завернули. Тут капюшон я и откинул. А Юрий Иванович Гаврилов предупредительно дверцу машины распахивает...

— Кто же все-таки четвертый?

Антифоров. Филькин. По очкам опознали. Из квартиры на улице Тельмана унес. Потерпевшая умоляла: «Ребятки, мне бы только очки найти, без них — как без глаз». А он в тех очках и на суде сидел, когда привлекли за кражу на Кировском.

Камышенцев. В общем, четвертый — Филькин, но были еще и пятый, и шестой... Всеми остальными занимался уже Виктор Тихонович Антифоров. А мне пришлось отключиться от этих дел.

...Тяжело писать об этом, но жизнь есть жизнь. В тот вечер, когда проводили обыски, позвонила жена Камышенцева: отцу Георгия Ивановича очень плохо. «Ребята, — попросил, — вы пока без меня тут, постараюсь вернуться». Прибыла «скорая», сделали укол — отцу как будто полегчало. С час посидел рядом: «Батя, ну тебе лучше теперь?» — «Лучше, лучше. Не бери в голову, занимайся своими делами, со мной мать посидит...»

Всю ночь занимались с задержанными, с вещами. А утром, около одиннадцати, позвонил сын: «Дедушка упал и не дышит»...

После похорон Георгий Иванович Камышенцев сам тяжело заболел, слег в больницу...

Уже без него доводили оперативные работники до конца дело этой, как выяснилось, многочисленной преступной группы.

V

Антифоров. Был суд. Всем воздали по заслугам, но вместе с теми, кто попал на скамью подсудимых, нельзя не назвать и тех, кто, хотел того или нет, потворствовал им, с одной стороны, с другой — форменным образом мешал нашей работе.

Поясню. Преступник действует с оглядкой. Поэтому не всегда его приметы налицо. Однако должно же когда-то, где-то объявиться краденое. Бьемся, ищем, время уходит — никаких следов, словно в песок засосало.

Ворованное, как правило, сбывают с рук дешевле. Но если кому-то предлагают вещи, какие и на витрине не увидишь, неужто не кажется это странным?

...Бармен ресторана «Парковый» В. И. Глухих приобрел у Дрожкина с Филькиным магнитофон, оцениваемый в четыре тысячи восемьсот, за восемьсот пятьдесят рублей. Не надо, видимо, быть семи пядей во лбу, чтобы понять: коль отдадут с такой «скидкой», наверняка ворованное. Нажитое трудом за бесценок не уступят.

Снова, как и в случае с Рыжовой, ведать ничего не ведал? Тогда почему Глухих во время следствия в течение двух суток упорно утверждал: не покупал с рук. А на третий день понял неопровержимость улик, сам принес в отделение магнитофон. Знал: привлекут к уголовной ответственности, да и заплатить придется, если заператься дальше.

Или: А. В. Давыдкин и Л. В. Кудряшев едут в такси. Предлагают водителю В. Г. Матяху лайковое пальто. Ну, не яснее ясного ли — сомнительная сделка. Таких «пассажиров» следует в милицию незамедлительно сдавать. А он без всяких угрызений совести подруливает с ворами к своему дому, выносит деньги, расплачивается.

Аналогичные примеры можно продолжить. Но суть-то в чем? Годами на трудовые деньги обустраивают люди свое жилье. Чтобы приобрести ту или иную вещь, выкраивают средства из строгого семейного бюджета. И вот по милости тех, у кого ни стыда ни совести, квартира обобрали, вместо радости в доме — горе. Виножник этого горя и тот, кто приобрел ворованное. Но ведь сегодня ты позарился на сомнительного происхождения вещи, тем самым потакая вору, а завтра не окажешься ли сам среди обворованных?

Антифоров. Не будь охотников ворованное скупать — и кражи, уверяю, были бы намного реже.

...И такой факт. Жена Змиевского — участника преступной группы — приобрела у Давыдкина краденое кожаное пальто. Узнав, что он привлекается к уголовной ответственности, упаковала, отнесла на квартиру родителей мужа. И тоже потом делала удивленные глаза — «не ведала».

В одной из квартир Иванцов, Давыдкин, Дрожкин украли среди прочего хрустальную, рубинового цвета вазу. Обнаружили ее у родителей Иванцова. Спрашивают мать — Анну Григорьевну: откуда? «Вы знаете, — ответила, — мне стыдно признаться, но вазу — она ведь битая — я на помойке нашла». Жадность? Материнская ложь во спасение? Не слишком ли дорого обходится она обществу и не слишком ли гуманны мы с такими добрыми мамами?

Камышенцев. Я говорил уже, что ранее изобличенный Нагорный был чрезвычайно осторожен. Сам ничего не продавал, все — через знакомых: грузчика магазина Ермакова, кассира Зинатулину, подругу свою Зозулю. Соседка сбывала вещи по его просьбе своим коллегам по работе. В голове не укладывается: неужели так легко вошел в доверие, неужели настолько можно быть наивным, чтобы ни разу не осенило: не так давно из заключения вышел, сантехником работает, откуда все это? А так называемые покупатели? Приносят им

то ковер, то меховую шапку, то хрусталь — и не задуматься, где берут?

Стали изымать украденное — одна из покупательниц возмущается: «Как? Я за это деньги платила». Раз платили преступнику, с ним и рассчитывайтесь, требуйте, пусть высылают из мест не столь отдаленных...

...Уточняя детали, позвонил работникам уголовного розыска. Связаться удалось не со всеми. Кто был в далекой командировке, кто здесь распутывал новые сложные дела. И лишний раз подумалось вот о чем. Быть может, им всем было бы легче, а нам спокойнее, если бы мы не забывали: рядом со светлым в жизни соседствует пока и зло.

Валерий Волков

Грань и граница имеют один и тот же корень. В уголовном деле, о котором пойдет речь, эти слова оказались близкими не только по своему морфологическому признаку. Их тугим узлом связала одна непреложная истина: переход грани дозволенного нашей советской моралью, нормами социалистического общежития нередко чреват нарушениями норм правовых, влекущими за собой ответственность перед Законом.

В. А. Баринов и С. Ю. Тимохин, представшие перед Ленинградским городским судом, всю свою непутевую жизнь шли кривыми дорожками. Как могли, ловчили, что удавалось, урывали, честным трудом себя не обременяли. И всегда лгали, словоблудили.

Еще в школьные годы на Баринова не могли найти управы ни родственники, ни учителя. «Легкомыслие свойственно Валерию от природы,— скажет на допросе у следователя много лет спустя тетя Баринова.— Определяла его в музыкальную школу, год поучился, бросил...»

А Баринов об этих же школьных годах своей жизни вспомнит так: «Читал я мало. Практически совсем не читал книг, а информацию черпал из просмотренных фильмов... Покуривал, случалось, и выпивал...».

Служить в армию он пришел с полным набором дурных привычек. «Три-четыре раза сидел на «губе», — записано в его показаниях следователю. — Три раза уходил из караула на пьянки и к девчатам. Меры воспитательного воздействия на меня не действовали, и мне реально грозил трибунал...»

Обеспокоенная его судьбой, в воинскую часть приехала тетя. По ее признанию, именно она, спасая заблудшую душу, посоветовала племяннику «обратиться к богу». Неожиданно для нее он ухватился за эту идею. У тети отлегло от сердца. Она тогда искренне верила, что у Валерия нет иного пути исправиться, взять себя в руки.

Этим наивным надеждам не суждено было сбыться. Подброшенный верующей тетей «спасательный круг» пригодился племяннику вовсе не для того, чтобы выплыть к берегу честной жизни. Баринovu понравилась новая и необычная для него роль — изображать верующего, туманно и многозначительно говорить о «духовном даре», которым наделил его всемогущий бог, о готовности следовать «божественным предначертаниям».

Избранная роль обязывала его знать то, чего не знают другие, рассуждать о том, о чем раньше не имел ни малейшего представления. Безнадежно отстав от своих сверстников в знании литературы, искусства, он заполнял этот вакуум штудированием Библии и других религиозных книг. К удивлению Баринова, слывшего ленивой бездарью, его слушали и далеко не всегда отваживались вступать с ним в спор. Это ему льстило, подогревало непомерное самолюбие.

Познакомившись с верующими разных вероисповеданий, он смекнул, что выгоднее всего примкнуть к баптистам: в их общине особенно примечают людей помоложе, искусно поддерживают тех, кто утверждает, что на него сошла божья благодать, и отныне он считал себя «сыном неба».

Чтобы окончательно утвердиться в амплуа верующего, Баринov принял водное крещение, стал членом церкви евангельских христиан-баптистов.

Теперь ему предстояло решить следующую задачку: с кем же из «братьев» по вере поддерживать «дружбу», на кого сделать ставку? На тех баптистов, община которых, согласно советскому законодательству о культах, официально зарегистрирована, а значит, и имеет все возможности для полного осуществления свободы совести, свободы вероисповедания, или на отколовшуюся от этой

общины группу так называемых баптистов-«инициативников», вожаки которых запрещают считать своим и даже посещать молитвенный дом на Поклонной горе, провоцируя единоверцев на вражду с «внешними» (так баптисты называют всех неверующих)?

Задачка была не из легких, но Баринов решил ее, не утруждая себя сомнениями. Будто колонул молотком гнилой орех. Решил он так: «дружбу» поддерживать и с теми, и с другими. Какая, собственно говоря, разница, когда все равно не веришь ни в бога, ни в черта! К этому времени он уже поднаторел прикрывать именем всевышнего все, что угодно,— любой грех, любое неблагоприятное дело.

Другой подсудимый, Тимохин, тоже, как и Баринов, в школе не отличался ни успеваемостью, ни прилежанием. Рок-музыка была единственным увлечением Тимохина. Родители ухватились за это увлечение, как спасающийся за соломинку: пусть ребенок поступает в музыкальную школу, развивает свои способности. А о том, что их великовозрастный ребенок (на голову выше ростом многих своих сверстников, косая сажень в плечах) брезгливо относился к любому труду, в семье старались не говорить. Чтобы не портить нервы ни себе, ни сыну.

В музыкальную школу он поступил, но, проучившись два месяца, ушел оттуда. Не удовлетворило его и самим же им выбранное профессионально-техническое училище. За неполных шесть лет после его окончания (по специальности портного) Тимохин сменил девять мест работы! Настоящей жизнью в его понимании были часы досуга, а не труд. Крути, сколько душа желает, магнитофон, ходи по знакомым, обменивайся с ними добытыми записями поп-музыки, песенок «звезд», восходящих и гаснувших по капризу моды на кумиров. Если кошелек оказывался пустым, Тимохин заставлял себя садиться за шитье джинсов. Сбывал знакомым, иногда искал покупателей прямо на улице, заводил их в укромную подворотню, показывал товар лицом. И клялся: пусть и «самопал», но «фирме» не уступят.

Знакомство Тимохина с Бариновым произошло случайно и в то же время не случайно. Они и ведать не ведали друг о друге, не искали встречи, но она была неизбежна, как смена дня и ночи. Неизбежна потому, что они, словно белка в колесе, крутились в одном и том же кругу знакомых бездельников и лоботрясов, живущих в основном куплей-продажей модных дисков и магнитофонных кассет, «фирменных» шмоток.

Несмотря на возрастную разницу в четырнадцать лет, на полярную противоположность характеров, Тимохин и Баринов стали закадычными друзьями. Их роднило и сближало тщеславное стремление утвердить себя в глазах окружающих чем и как угодно.

Баринов привел Тимохина в молитвенный дом. Руководство общины приглубило и его, наслышавшись о том, что он, как и Баринов, увлекается музыкой и даже может исполнять партии в оркестре.

До партии в оркестре молитвенного дома дело не дошло. Баринов не мог позволить, чтобы кто-то другой представлял на «путь истинный» его юного друга. Он таскал его с собой и в молитвенный дом, и к баптистам-«инициативникам», собиравшимся на частных квартирах, и в православную церковь на особо торжественную службу, и в костел. А после очередного визита в храм божий мог пригласить и в компанию, где разговор шел о чем угодно, только не о боге. Здесь, в тесном кругу «единоверцев» несколько иного «вероисповедания», всячески мусолились слухи и сплетни, а для тех, кто не удосужился послушать радиоголоса Запада, взалхлеб пересказывались «последние новости». Диапазон их был всегда один и тот же: длинная ложь на коротких волнах. Иногда примитивная, но чаще всего маскируемая «объективностью», ссылками на авторитетные источники, эта ложь щедро приправлялась музыкальными передачами. «Для молодых слушателей в Советском Союзе, которые обожают рок- и поп-музыку», — звучал из транзисторного чрева доверительный голос ведущего русской службы Би-би-си Севы Новгородцева (он же Левенштейн, бывший ленинградец, отщепенец, зарабатывающий клеветой на свою родину).

Слушая эти передачи, Баринов возвращался к своей излюбленной теме: «Вера в бога не признает никаких государственных границ, любовь к настоящей музыке — тоже, — и поучительно добавлял: — Христиане Запада и Востока — члены одного тела Христова».

Сентенции Баринова казались Тимохину и остроумными, и убедительными. Он не единожды примечал, как его старший друг изобретательно ловко выходил победителем в нелегких словесных поединках со своими «братьями» по вере. Упрекнули его как-то, что он прикладывается к рюмочке, так он целую лекцию прочитал о пользе такого грехопадения. Я, говорит, выпил с кем? С совершенно опустившимся человеком, алкашом. А для чего выпил? Чтобы выслушать исповедь загублен-

ной души, найти подход к ней. А найду подход — значит, и к вере в бога приведу...

Если единоверцы говорили, что христианская заповедь есть заповедь и ее нельзя толковать и так и сяк, выворачивать, как наволочку, наизнанку, Баринов и тут не сдавался. Вы, заявлял он, так понимаете заветы всевышнего, а я этак. Бог один, а вот пути к нему разные. Сколько людей на земле, столько путей...

Подражая Баринову во всем, Тимохин со временем тоже привык демагогически прикрываться божьим именем, прячась под него, как под фиговый листок.

Сшил он как-то для эстонских «братьев» джинсы под «фирму», но, узнав, что на Кавказе за них можно получить больше, даже с учетом дорожных расходов, вмиг собрался лететь в Тбилиси.

Легкого на ногу «коробейника» задержали в аэропорту — с наличным товаром, количество которого не оставляло сомнений в том, что предназначен он не для подарка. Милиция вежливо осведомилась: «Патент на изготовление одежды имеете? Куда путь держите?»

«Я хотел лететь в Тбилиси по делам музыки и Христа,— не моргнув глазом, напишет Тимохин в объяснении и в доказательство «богоугодности» своего путешествия покажет магнитофонную приставку. И не преминет с гордостью добавить: — Которую мне прислали из США».

Два года назад Баринов и Тимохин решили, что настала пора погромче заявить о себе и своей миссии «нести людям весть о Христе». Заявить так, чтоб об этом заговорили единоверцы и эти самые — «внешние», чтоб не только в Союзе, но и там, откуда звучат по вечерам вкрадчивые радиоголоса, тоже узнали об их существовании. Кое с кем из представителей того далекого мира они уже были знакомы...

Нередко навещала в молитвенный дом тогда еще двадцатидвухлетняя англичанка Лорна, проходившая обучение на курсах русского языка в Ленинградском университете. Баринов так и не понял, какие науки она изучала в Англии, но о ее истинных интересах в городе на Неве догадывался. Вездесущая, напористо активная в разговоре, она не выстояла до конца, пожалуй, ни одно молитвенное собрание, при каждом удобном случае удалялась во двор то с одним, то с другим «братом» или «сестрой». Баринов, знавший единоверцев наперечет, заметил: Лорна охотнее общается и ищет встречи с теми, кто выражает недовольство внутрицерковной

жизнью общины, распространяет среди единоверцев бог весть как и где заполученные зарубежные пропагандистско-религиозные материалы.

И у Баринаова знакомство с Лорной началось именно с этого. Она подарила ему Библию карманного формата, между страниц которой он нашел тонкие хрустящие листочки с типографским текстом на русском языке. Анонимный «доброжелатель» обращался к «братьям» и «сестрам», ко всем христианам, «гонимым и преследуемым безбожной властью». «Доброжелатель» предрекал братоубийственную войну и конец света, если христиане будут терпеть такую власть. В конце обращения с бухгалтерской обстоятельностью перечислялось все то, что люди, пребывающие в истинной вере, должны делать во имя ее защиты, во имя бескорыстного служения первоапостольской церкви. С таким же, очевидно, бескорыстием предлагалось присылать в Лондон с любой оказией «факты гонения на христиан, информацию о бедственном положении верующих, о всяческих отказах в их просьбах властями».

Из другого такого же тонкого листка Баринов понял, что «доброжелатель» — это «Центр по изучению религии и коммунизма», называемый (по месту нахождения под Лондоном) Кестон-колледжем, что его возглавляет постоянный обозреватель положения церкви и религии в СССР в радиопередачах Би-би-си Майкл Бурдо.

Кроме Лорны бывали в молитвенном доме и другие иностранцы. Так же, как с англичанкой, Баринов быстро нашел общий язык и с американкой Филией Коллинз. Она была постарше Лорны лет на пятнадцать, преподавала в колледже русский язык, а в Ленинграде числилась на курсах. Позже Баринов познакомился с аспирантом Чикагского университета Юджином Клеем, меланхолическим очкариком, проходившим стажировку в Ленинградском университете, а также с Еленой Кожевниковой, которая доверительно сообщила ему, что специализируется в радиовещании на СССР, работала в отделе новостей радиостанции «Свобода», затем представляла ее в Нью-Йорке, потом устроилась на Би-би-си. Не скрывала, что имеет постоянную связь с Народно-трудовым союзом (НТС) и Кестон-колледжем.

Для Баринаова и Тимохина из всех этих знакомств самым печальным оказалось общение с «сестрой» Лорной. Именно она разжигала их тщеславие, восторженно хвалила исполнение любого примитивного самодетельного текста, положенного ими на музыку, охала и ахала,

что у таких «танталов» нет возможности проявить свое творческое «я», создать христианскую рок-группу. Именно она подсказала, какой репертуар мог бы привлечь внимание к такой самодетальной рок-группе, намекнула, что готова позаботиться о том, чтобы о такой группе узнали и на Западе.

— Так у вас там профессионалов хоть пруд пруди,— засомневался Баринов.— И какая у них аппаратура! — И он принялся перечислять известные ему поп-группы.

Лорна снисходительно выслушала его, не преминула похвалить за осведомленность, согласилась, что соперничать в исполнительском мастерстве с этими профессионалами — дело безнадежное.

— О себе вы можете заявить не уровнем музыкального исполнения, а темой,— поучала она.— И формой. А о чем поет ваш хор в молитвенном доме? О том, что можете услышать и на любом молитвенном собрании. А как поют, тоже знаете. Так пели и ваши бабушки. Даже мелодии у вас не свои, а из обычных мирских песен. Кого вы ими восславляете? Советскую власть или спасителя нашего Иисуса Христа?

— Я кое-что пробовал сочинять в ином духе,— словно оправдываясь, сказал Баринов.— И слова написал, и музыку подобрал. Но не знаю, получилось ли.

— Вот давай вместе и послушаем,— сказала Лорна.

Через несколько дней из университетского общежития она переселилась к Баринову. Далековато от центра, неудобно ездить на занятия, но что поделаешь: тщеславия у этого русского хватило бы на десятерых, надо только направить его на путь истинный...

Уехав в Англию, Лорна продолжала опекать своего «ленинградского друга». При каждом удобном случае присылала о себе весть через приезжавших в Ленинград туристов, кое-что дарила Баринову. Как-то позвонила ему из Кестон-колледжа: сообщила, что вышла замуж за того самого Майкла Бурдо, который многие годы возглавляет Кестон-колледж, где она теперь работает секретарем, что их обзоры положения религии и церкви в СССР нужно слушать в такое-то время на таких-то волнах.

Один раз Лорна и сама приехала в Ленинград, лично убедилась, что ее «уроки» пошли впрок Баринову и его молодому другу Сергею Тимохину. Как она и представляла их, они сочинили текст и музыку, записали несколько голосов и партий инструментов на магнитофонную ленту. Получилось что-то похожее на не единожды

слышимое ими в музыкальных программах Би-би-си, рассчитанное, по убеждению Севы Новгородцева, на тех, «которые обожают рок- и поп-музыку». Одним словом, в духе «тяжелого металла»: примитивно, агрессивно, антиэстетично, но для любителей музыкальных шумовых эффектов — весьма впечатляюще.

Правда, большинство единоверцев Барина и Тимохина не оценили их усердие, сочли рок-музыку оскорбляющей религиозные чувства и не разрешили воспроизводить магнитофонную запись «трубного зова» в стенах молитвенного дома. Барин и Тимохин попробовали явиться туда «явочным порядком», заручившись подмогой нескольких молодых поклонников рока. В том числе и неверующих.

«Явочным порядком» не получилось тоже. Сторож молитвенного дома и вызванные им на помощь «братья» стояли у дверей непоколебимо, как апостол Петр у врат рая.

Режиссеры шумихи о «гонении в СССР верующих», собственно говоря, и делали ставку на непризнание «трубного зова». Теперь наступала пора направить уязвленное самолюбие Барина и Тимохина несколько в иное русло...

По подсказке наставников из Кестон-колледжа они начали рассылать обращения в различные советские организации, государственным, общественным, религиозным деятелям Запада. «Мы обращаемся к миру со свидетельством о Грядущем Христе. Наша работа проходила в трудных условиях из-за недостатка аппаратуры, отсутствия постоянного помещения для записи и необходимости соблюдать конспирацию». Дескать, помогите, спасите! Нас не признают, нам не дают возможностей «средствами современного музыкального языка проповедовать Евангелие, господу нашего Иисуса Христа».

Копии этих демагогических посланий с завидной оперативностью оказывались в Кестон-колледже у Лорны и Майкла Бурдо. Доведенные здесь опытной рукой до школьных норм грамматики и стилистики русского языка, одобренные соответствующим соусом с кухни антисоветизма, они шли в эфир Би-би-си, «Голоса Америки», подхватывались другими враждебными социалистическому строю радиоголосами.

Барин и Тимохин были на седьмом небе. Какое счастье, какая слава! Их имена прозвучали на весь мир! Теперь-то у них есть заступники! Теперь-то и с «внешними», и с единоверцами Барин и Тимохин будут го-

ворить так, как того требует их международное «признание».

Тем временем в Кестон-колледже задумали провести еще одну акцию: попросить Барина поведать миру о «христианской доброте» Майкла и Лорны Бурдо, выразить благодарность за их «миссионерский труд» в защиту «гонимой в СССР церкви». Рекламный характер этой акции виден был, что называется, невооруженным глазом, но «миссионеров»-антисоветчиков супругов Бурдо это обстоятельство отнюдь не смущало: «в свободном мире» даже на антисоветском рынке без конкуренции не обойдешься.

Посланец Кестон-колледжа «турист» из Англии Майкл Брэннан побывал на квартире Барина, оставил у него записку: «Расскажи, как Кестон-колледж помогает тебе и верующим. Ты знаешь, как это делать. К тебе в сентябре зайдет девушка Дженис. Бог с тобой».

Барин, отлично знающий, «как это делать», охотно согласился. Следствие приобщило это «благодарение», написанное его рукой.

«Проповеди в молитвенном доме,— поносил он своих единоверцев,— рассчитаны на стариков и старушек, а молодежь ничего не знает о боге. Учитывая эту ужасную ситуацию, у меня появилась идея создания христианской рок-группы, чтобы благодаря современному музыкальному языку донести свет Евангелия до молодежи... Когда я закончил сочинение нашей первой программы, я усиленно молил господу, чтобы он послал такого человека, который смог бы ее перевести с русского на английский... Бог послал на этот труд англичанок Сали и Лорну, которые проходили трехмесячную учебу в Ленинградском университете по русскому языку. И кто мог подумать, что Лорна выйдет замуж за руководителя Кестон-колледжа священника Майкла Бурдо. Под его руководством теперь мы получаем прежде всего молитвенную помощь... Очень жаль, что многие не понимают миссии Кестон-колледжа, и мне кажется, что даже сотрудники этого института не могут осознать до конца, насколько драгоценна эта организация в очах всемогущего бога...

Как и чем помочь нам, спросите вы? Если каждый верующий турист Запада, приезжающий в Советский Союз, желает потрудиться для Христа, то, конечно, бог свяжет такого человека с нужными людьми».

Вот такое послание. Как и в прежние времена, Барин прикрыв цинизм, корыстолюбие, погоню за славой

демагогическими словами о воле божьей, идеологическую диверсию Кестон-колледжа выдал за «свет Евангелия».

А теперь вернемся к уголовному делу, в котором, как уже говорилось, грань и граница оказались связанными тугим узлом...

Из обвинительного заключения по обвинению Барина В. А. и Тимохина С. Ю. в совершении преступления, предусмотренного статьями 15 и 83 части первой Уголовного кодекса РСФСР, то есть в покушении на незаконный переход Государственной границы СССР:

«В январе 1984 года Баринов В. А. и Тимохин С. Ю. вступили в сговор о совместном незаконном переходе Государственной границы СССР... Они разработали маршрут движения и изготовили схему участка местности, прилегающей к советско-финской государственной границе... Для скрытого передвижения по этой местности изготовили маскировочные костюмы и широкие лыжи, приобрели два туристских топора, саперную лопатку, два компаса, десятикратную зрительную трубу, русско-финский и англо-финский разговорники, нюхательную махорку для использования ее против служебно-розыскных собак и другое...»

Тайно и заблаговременно готовясь к нелегальному переходу границы, Баринов и Тимохин «вооружались» не словом божьим, а сугубо прозаическими вещами, в том числе и тем, что можно будет выдать их будущим хозяевам на вожделенном Западе за «преследование за веру». Привлекался в свое время Тимохин к административной ответственности за торговлю с рук в неустановленном месте, то есть в подъезде на Невском,— захватил с собой копию и этого документа. Вызывали ведь на административную комиссию, оштрафовали на десять рублей... К числу «свидетельств» о преследовании за веру был приобщен и вызов в милицию. Опять-таки не имеет значения, по какому поводу. Главное, как такой факт преподнести...

Суд тщательно разобрался во всех самых противоречивых показаниях подсудимых, внимательно выслушал свидетелей, обвинение и защиту. Уже во время предварительного следствия Тимохин многое осознал, есть основания надеяться, что понял, к какому печальному финалу привели его знакомство с Бариновым и собственный образ жизни. В письменном заявлении следствию он дал трезвую оценку своих связей с антисоветским клерикальным центром Кестон-колледж, подоплеке шу-

михи, поднятой идеологическими диверсантами Запада вокруг «трубного зова».

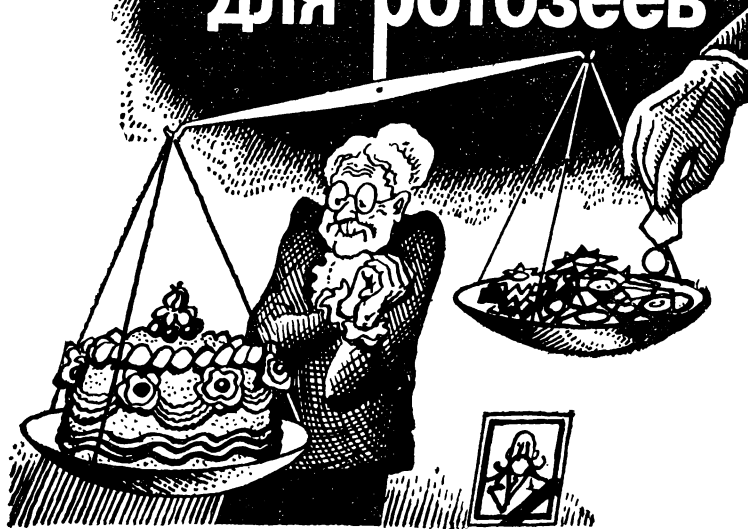
Баринов остался верен себе. И на следствии, и в суде он лгал, изворачивался, упорно держался сочиненной им версии: добровольный отказ от совершения преступления. Дескать, собирались нелегально переходить границу, поездом приехали поближе к заранее намеченному пункту, но в последний момент испугались и решили отказаться от затей. Следствие и судебное разбирательство установили: Баринов и Тимохин не принимали такого решения.

...В статье много внимания уделено не преступлению, которое совершили Баринов и Тимохин, а всей его предыстории. Сделано это не случайно. Нет и тени сомнения в том, что шумиха вокруг «борцов за истинную веру», организованная опытной режиссерской рукой идеологических диверсантов из Кестон-колледжа, не только подтолкнула Баринова и Тимохина к пропасти, но и столкнула их туда.

Покушение на нелегальный переход границы и было той последней гранью, перейдя которую они бросили вызов закону и поставили себя вне общества.

Евгений Вистунов

Паутина для ротозеев

Они торопливо пересекли заснеженный, малолюдный в эту пору парк. Все было рассчитано и взвешено: как подойти к дому на другой стороне парка, чтобы из окон никто случайно не приметил их вместе, и что делать каждому, когда войдут в подъезд. Сейчас оба делали вид, что незнакомы между собой: шли в некотором отдалении друг от друга.

По мере приближения к дому конопатое лицо Лупашина все более серело от страха, но, подойдя к подъезду, он, чтобы показать, что не трусит, решительно распахнул дверь. Хлыстов помедлил немного, как бы рассматривая табличку с номерами квартир, потом тоже вошел в парадную, но сразу остановился и, поставив перед собой коробку с магнитофоном «Электроника», сделал вид, что кого-то ожидает.

У неработающего лифта Лупашин обернулся и еще раз глянул на новенькую «Электронику», только что купленную Хлыстовым в фирменном магазине неподалеку от парка. Иметь именно такой магнитофон было его давней мечтой. Поэтому, когда Хлыстов, чтобы сбить последние лупашинские колебания, сердито бросил

«Черт с тобой! Идем и немедленно купим тебе этот дурацкий магнитофон!» — и потом долго, со знанием дела, придиричиво отодвигал одну за другой предлагаемые продавцами «Электроники», Лупашин, по-детски затаившись, с вожделием рассматривал из-за хлыстовской спины дорогие его сердцу аппараты, будто ребенок заветную игрушку. Теперь он знал: если задуманное удастся, «Электроника» перекоцует к нему в собственность как плата за проводимую ими сейчас операцию «Орден». Это подталкивало и торопило.

Миновав лифт, Лупашин, чтобы успокоиться и придать себе большую уверенность, стал подниматься по лестнице, шагая через две ступеньки, будто шел по хорошо знакомому адресу. Хлыстов, пока его напарник еще не скрылся за поворотом лестничного марша, внимательно следил за каждым его шагом, будто гипнотизируя. Вообще-то он не сомневался в том, что тот делает так, как задумано: Лупашин полностью находился в его руках. После крупных картежных проигрышей он оказался, что называется, в долгу, как в шелку, и ему никак было не выкарабкаться из этой долговой ямы. Хлыстову не раз доводилось выручать его крупными суммами. Он давал деньги всегда без слов, а потом, зайдя к Лупашину как бы невзначай, просил оказать какую-нибудь услугу: сначала — совсем мелкую, затем — покрупнее. Со временем Хлыстов начал не просить, а требовать, грозя взыскать долги, но иногда переходил на дружеские интонации и обещал все простить и забыть, если «самая-самая последняя» его просьба будет уважена.

Пройдя несколько лестничных маршей, Лупашин остановился перед нужной квартирой, о которой Хлыстов рассказал ему так подробно, словно бывал там. Лупашина всегда удивлял «научный метод» Хлыстова: все заранее узнано, продумано, уточнено, подготовлено. Даже слова, которые надо сказать, их интонация и последовательность.

После второго настойчивого звонка за дверями слышались шаркающие шаги и слабый старушечий голос настороженно спросил:

— Кто здесь?

— Из музея, — поспешно ответил Лупашин. — Мы с вами недавно говорили по телефону. Это я — Саша...

Когда он впервые позвонил, представившись историком, собирающим материалы для новой экспозиции — о боевом пути армии, которой командовал муж старой

женщины, та, сперва не очень доверчиво, завела разговор о каких-то подробностях военных лет, словно проверяя, действительно ли собеседник серьезный работник музея. Подготовленный Хлыстовым, Лупашин отвечал вполне уверенно, показывая свою великую заинтересованность в воспоминаниях вдовы и в документах, которые у нее хранятся. В конце концов он обворожил ее так, что она с нескрываемой доброжелательностью спросила: «Простите, а как вас называть? — «Да просто Сашей», — скромно проговорил Лупашин.

...Тяжело забракали замки, и массивная двойная дверь распахнулась. Веселя оттого, что все началось так удачно, Лупашин шагнул в прихожую, где снял туфли и надел тапочки, а оттуда в просторный холл, уставленный стеллажами с книгами. На одной из стен висел большой, писанный маслом портрет военного в парадном мундире. К нижнему правому углу рамы была прикреплена черная креповая лента.

Искоса Лупашин все время поглядывал на портрет, а точнее — на орден, изображенный на правой стороне парадного мундира и расположенный над другими орденами, и перед лупашинскими глазами тотчас, как видение, возникла желанная «Электроника»... Уверенность в том, что все будет хорошо, окрепла еще больше. Недаром же Хлыстов несколько дней подряд гонял его, как неуспевающего ученика по истории, требуя твердо запомнить имена, даты, события давних военных лет. Все необходимые сведения Хлыстов почерпнул не только из газетного некролога, в котором упоминалось о редком ордене, но и из статьи в Военной энциклопедии и нескольких других, найденных в библиотеке, статей о боевых операциях, в которых участвовали покойный, его дивизия, корпус, армия. Зато такие познания вконец убедили не очень-то доверчивую вдову в серьезных намерениях «музейного работника» Саши, но более всего, конечно, тронуло ее проявленное им уважение к памяти покойного. Боль утраты еще не прошла, и каждое доброе слово, выражение соучастия к горю согревали душу и сердце старого человека.

Порассуждав довольно пространно о войне и сражениях, Лупашин согласился почаевничать и уже за столом осторожно перевел разговор на хранившиеся в семье награды мужа, выразив желание поглядеть на них «хотя бы одним глазком».

Раскладывая ордена на столе, вдова принялась рассказывать о каждом из них — когда и за что получен.

— Вот орден Суворова. Муж получил его за...

Но Лупашин уже не слушал вдову. Сердце его екнуло. Это был тот самый орден, за которым они с Хлыстовым охотились.

Самозванный «музейный работник» ойкнул: как же это так, совсем забыл!

— Надо же это все сфотографировать для музейной экспозиции! Вот только бы лучше на белом фоне...

Он стал подготавливать к съемке предусмотрительно взятый с собой старенький фотоаппарат «ФЭД» (потом, на следствии, выяснилось: пленки в нем не было) и попросил принести простыню или лист ватмана. Хозяйка послушно засемила в соседнюю комнату. Сначала она принесла что-то совсем не то, и Лупашин отправил ее на поиски более удачного фона. Пока вдова отсутствовала, орден Суворова I степени, замененный муляжем, сделанным Хлыстовым, перекочевал в карман Лупашина...

Квартира Хлыстова напоминала мастерскую. Муляжи, которые он тут делал, были похожи на настоящие ордена. Подбрав нужные материалы и раздобыв лучшие эмали, он постепенно добился того, что и наметанный глаз не сразу бы смог различить подделку.

Он все старался делать «по науке». Достал инструмент для тончайших работ по металлу и смог выполнять сложные ювелирные поделки. Завел приспособления для различных процессов — золочения, серебрения, эмальгамирования, травления. Разными путями добывал специальные краски и эмали. Но прежде, чем приступить к делу, изучал его с дотошностью диссертанта, готовящегося защищать докторскую. У него были книги по специальным техническим вопросам и книги об орденах всех времен и народов.

С некоторых пор Хлыстов решил собрать весь комплект боевых орденов; стоимость такой коллекции была особенно высока. Оставалось совсем немного. Среди недостающих не хватало как раз ордена Суворова I степени, за которым он и послал Лупашина.

Хлыстов умел добиваться своего, и теперь, дожидаясь в подъезде дома соучастника тщательно разработанной операции, он был уверен, что тот сделает все, как надо.

Когда кто-нибудь проходил по лестнице, Хлыстов делал вид, что рассматривает покупку — магнитофон.

Один из жильцов даже кивнул ему: мол, хорошая техника, и он утвердительно мотнул головой: да, хорошая. С виду он был спокоен, но внутренне раздражен: ему казалось, что Лупашин слишком задерживается.

Наконец Хлыстов увидел своего дружка. Тот, проходя мимо, быстро отдал ему орден и, схватив коробку с магнитофоном, метнулся на улицу. Мрачней от такого легкомыслия своего напарника, Хлыстов успел все-таки кивком показать ему в сторону метро, до которого, как понял Лупашин, им лучше не встречаться...

Ощутив, однако, в кармане желанный орден, Хлыстов повеселел, и в голове у него зазвучала бравурная, что-то вроде марша из вердиевской «Аиды», мелодия.

Он был музыкален. В детстве занимался в музыкальной школе и делал определенные успехи. Последним ни в чем никогда быть не любил. Хлыстов считал: если захочет, может достигнуть многого в любом деле. Во время следствия специалисты, проводившие судебно-психологическую экспертизу, отметят у него такие характерологические особенности, как честолюбие, высокомерие, самолюбие, скрытность, подозрительность, обидчивость, жадность, жажду к накопительству. В его характере было много противоречивого.

Не став музыкантом, Хлыстов пошел по инженерной части. К технике, как и ко всему, что требовало точности, сноровки, выдумки, настойчивости, проявлял большую заинтересованность. Но и тяга к искусству не угасала. Любил по старой памяти присесть к пианино, стоявшему в углу тесной комнаты, и, импровизируя, сыграть что-нибудь «для себя».

Но со временем инструмент стал расстраиваться, некоторые струны начали дребезжать, а потом звучание еще больше ухудшилось, так как Хлыстов оборудовал в пианино тайник, в котором наряду с крупными денежными купюрами хранил ворованные и скупленные редкие боевые ордена, а также золото и серебро, или «драгметаллы», как их именовали потом, в ходе следствия.

«Драгметаллы» сделались страстью Хлыстова. Иногда ему вспоминалось прочитанное когда-то о золотоискателях: разудалые, отчаянные бородачи, упрямо пробиравшиеся по тайге в надежде на фарт, безумную удачу. Но с годами Хлыстов понял, что не за тридцать земель, не в дремучую тайгу надо налаживаться в надежде на фарт. Удача — рядом. «Золотоносный песок», невидимый другим, вокруг нас. И он, Хлыстов, возьмет его!

Тугие пачки денег все больше заполняли тайник с

тыльной стороны старого пианино, придвинутого к пыльной стене. Теперь, если кто-нибудь просил сыграть, хозяин медлил, отнекивался: смущала мысль о тайнике, боялся, что обнаружится он по какому-нибудь фальшивому звуку инструмента.

Однажды, наигрывая что-то для себя, он вдруг оборвал музыку на полутакте и бросился к тайнику, полный смутного беспокойства. Но нет, все было на месте, а между тыльной частью пианино и порыжевшими от времени обоями протянулась паутина. Он смахнул ее рукой. Потревоженный паук стремительно скользнул вниз и, пометавшись, юркнул под плинтус.

Хлыстов отошел к противоположной стене, увешанной холодным оружием — палашами, кортиками, саблями, стилетами. Коллекция эта, которую он давно уже собирал, последнее время быстро росла. Но все-таки Хлыстов причислял себя прежде всего к фалеристам (такowym и числился среди коллекционеров). На той же стене, на планшете, можно было увидеть «собранные» им ордена. Но это была лишь видимая и самая незначительная, малоценная их часть. Основная хранилась в тайнике.

Все началось с орденов отца, полковника, ветерана войны. После его смерти награды перешли на хранение к сыну. Но боевые ордена вызвали у Хлыстова-младшего отнюдь не чувство глубокого уважения к тем, кто заслужил их своей кровью. Мера здесь была другой — их стоимость на «черном рынке». Хобби превращалось в болезненную страсть. Жадность, корысть, стремление к обогащению толкали от одного преступления к другому. Все больше и больше боевых наград перекочевывало в хлыстовский тайник или на стенку с давно не менявшимися обоями, по которой время от времени пробегали пауки.

Хлыстов и сам все более походил на паука: раскидывал липкую, вязкую, жесткую паутину, и некоторые, вроде дружка и собутыльника Лупашина, накрепко запутывались в ней. Попадали в нее и вовсе случайные люди.

Электромонтер Валентин Иванович Разуев столкнулся в свой недобрый час с Хлыстовым возле магазина «Юный техник». Позднее, на суде, куда был вызван в качестве свидетеля, он, испуганный и подавленный происшедшим с ним, вздыхал и каялся: «И сам не пойму, как все это со мной приключилось! Ведь почти четверть века на своем заводе работаю. Безупречно!..»

Продавая Хлыстову первый десяток дефицитных радиодеталей, вынесенных с завода, старый электромонтер, как уверяет, даже от денег поначалу отказывался: мол, пустяк! Выписал для работы чуть больше, чем понадобилось, вот и валялись без дела.

Хлыстов «щедро» бросил десятку (государственная цена — два тридцать за штуку). За последующую партию он тоже платил по этой, как-то сразу принятой Разуевым, таксе. Следствие определило: из деталей, полученных у Разуева, Хлыстов выплавил золота на сумму 890 рублей 11 копеек. Но это была едва ли не самая мелкая операция, проведенная им.

У старшего инженера Виктора Ивановича Петрова Хлыстов перекупил более крупную партию золотосодержащих радиодеталей — 120 штук. Петров получил за них 200 рублей, не подозревая, что истинная их стоимость равна многим тысячам.

Но все же главным в преступной деятельности Хлыстова были ордена. Постепенно его деятельность приобретала все больший размах. На картах-схемах разных городов, найденных в тайнике, значилось более ста двадцати адресов орденоносцев и их семей. Но еще не везде стояли значки, свидетельствовавшие о том, что «операция» уже проведена. Простора для деятельности жуликов было много. Однако при проведении одной из таких «операций» Хлыстов и Лупашин были арестованы.

На суде Хлыстов отвечал скупой, сдержанный, голосом негромким, но уверенным. Все отрицал, даже совершенно очевидное. Иногда на его лице возникала ироничная, кривоватая улыбочка, говорившая, впрочем, не столько о желании показать свое превосходство над другими (над тем же Лупашиным, например), сколько о не исчезающей надежде на то, что в конце концов все должно кончиться не так уж плохо. Но каждое новое показание против него убеждало, что нет, ему не вывернуться!

Лупашин вел себя иначе. Он постоянно менял показания, юлил. В чем-то признаваясь, тут же отказывался от только что сказанного, пытаясь преуменьшить свое соучастие в преступлениях. В его поведении чувствовалось не раскаяние, а сожаление: вот ведь засыпался, а мог бы и не попасться.

Бывшая жена Хлыстова, мать его двух малолетних детей, давая показания, не переставала удивляться:

— И не подозревала, что у него есть это — тайник, деньги, сберкнижка, ценности. У нас ведь иногда до зарплаты денег не хватало...

В день, когда выносился приговор (Хлыстову В. Ю.— двенадцать лет тюремного заключения с конфискацией имущества, Лупашину А. Н.— восемь лет, тоже с конфискацией имущества), в зале судебного заседания было многолюдно. Растерянно жались друг к другу родные потерпевших и люди, замешанные в этом деле, но в силу разных обстоятельств отделавшиеся лишь испугом.

В зале становилось все более душно, однако открыть окна было нельзя: на улице свирепствовал ветер, и рамы зловеще гудели под его напором. По стеклам хлестал ледяной дождь. Вода, нагнанная в реки и каналы с залива, уже в который раз за месяц, пока длился процесс, опять поднялась выше ординара. Казалось, что в этой тревожности, нагнетаемой непогодой, заключалось какое-то предостережение — не только тем, кого сразу же, как только председательствующий огласил приговор, вывели под охраной из зала судебных заседаний, но и некоторым из присутствовавших на суде. Тем, например, кто, так и оставшись на этом процессе лишь свидетелем, еще недавно, вольно или невольно, способствовал возникновению уголовного дела, которого, возможно, могло и не быть — смахни, разорви кто-нибудь вовремя ту паутину...

Олег Ханеев

На вопросы отвечает юрист **В. В. Родичкин**.

1. Что понимается под мошенничеством?

В Уголовном кодексе РСФСР под мошенничеством понимается преступление, которое заключается в том, что виновное лицо завладевает чужим имуществом или правом на него, а также получает иные блага путем обмана или злоупотребления доверием. Определяющим признаком мошенничества являются обман или злоупотребление доверием.

2. Какая ответственность возникает за мошеннические действия?

За мошенничество должна наступать прежде всего моральная ответственность. Эти действия должны осуждаться общественностью по месту работы и жительства, на товарищеских судах, на страницах наших газет. Обязательным условием должна быть и материальная ответственность, которая предусмотрена Гражданским кодексом РСФСР, в случаях, если мошенник причинил материальный ущерб потерпевшему. За преступные действия при мошенничестве наступает уголовная ответственность. Две статьи УК РСФСР посвящены мошенничеству. Это статья 93 УК РСФСР (мошенничество, связанное с хищением социалистической собственности) и статья 147 УК РСФСР (мошенничество, связанное с завладением личной собственностью граждан).

3. Будет ли считаться мошенничеством завладение имуществом у пьяного или душевнобольного лица?

В этих случаях потерпевший не способен иметь правильного представления о совершенных действиях. Поэтому действия виновного лица при выманивании имущества у потерпевшего должны рассматриваться как кража, а не как мошенничество.

Если же человека посредством обмана склоняют отказаться от права собственности на имущество, то это будет мошенничество. Так, встречаются случаи вступления в брак с целью завладения имуществом. На страницах газет описывались случаи похиждений «брачных аферистов», которые при вступлении в брак пытались получить как можно больше материальных благ и после этого скрывались.

4. Каковы юридические последствия таких фиктивных браков?

В случаях регистрации брака без намерения создать семью брак может быть признан недействительным. Такой брак, в соответствии со статьей 43 Кодекса о браке и семье РСФСР, является фиктивным. В связи с этим на основании статьи 46 Кодекса о браке и семье РСФСР к имуществу, приобретенному совместно лицами, состоящими в браке, который признан недействительным, применяются правила, предусмотренные статьями 116—125 ГК РСФСР.

В соответствии с этими статьями каждый из таких супругов имеет право лишь на ту долю, которая образовалась в результате его собственного вклада.

5. Какая ответственность установлена в Уголовном кодексе РСФСР за мошенничество, связанное с завладением личной собственностью?

Следует отметить, что наряду с юридическими последствиями, которые возникают по нормам ГК РСФСР по вопросам имущества, в статье 147 УК РСФСР установлена еще и уголовная ответственность за мошенничество. В этой статье содержатся три части. По части I при завладении личным имуществом граждан или приобретении права на имущество путем обмана или злоупотребления доверием виновные лица наказываются лишением свободы на срок до двух лет со штрафом до четырехсот рублей или исправительными работами на срок до двух лет.

В случае, если мошенничество совершается повторно или по предварительному сговору группой лиц, то в соответствии с частью II статьи 147 УК РСФСР виновные лица наказываются лишением свободы на срок до четырех лет с конфискацией имущества или без таковой или исправительными работами на срок от одного года до двух лет с конфискацией имущества или без таковой.

При причинении мошенничеством значительного ущерба потерпевшему либо совершенным особо опасным рецидивистом (часть III статьи 147 УК РСФСР) виновные наказываются лишением свободы на срок от трех до десяти лет с конфискацией имущества.

6. Каковы особенности наказания мошенничества, связанного с хищением социалистической собственности?

Ответственность за указанные действия предусмотрена в статье 93 УК РСФСР. Она определяет ответственность за хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем мошенничества. В это понятие входит завладение государственным или общественным имуществом путем обмана или злоупотребления доверием. За такие действия в части I статьи 93 УК РСФСР предусмотрено наказание лишением свободы на срок до трех лет, или исправительными работами на срок до двух лет, или штрафом от ста до пятисот рублей. Если же мошенничество совершается повторно или по предварительному сговору группой лиц, то эти действия наказываются лишением свободы на срок до шести лет с конфискацией имущества или без таковой или исправительными работами на срок от одного года до двух лет с конфискацией имущества или без таковой. Эта ответственность предусмотрена в части II статьи 93 УК РСФСР.

В случае же, если мошенничеством причиняется крупный ущерб государству или общественной организации или оно совершается особо опасным рецидивистом, то в соответствии с частью III статьи 93 УК РСФСР виновные лица наказываются лишением свободы на срок от пяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества.

Как хищение государственного или общественного имущества путем мошенничества рассматривается умышленное незаконное получение частным лицом государственных или общественных средств в качестве пенсий, пособий или других выплат в результате обмана или злоупотребления доверием. При этом должностное лицо, выдавшее частному лицу заведомо для этой цели подложные документы, должно нести ответственность по совокупности преступлений: за пособничество в хищении и должностной подлог, то есть по статьям 17 и 93 УК РСФСР и статье 175 УК РСФСР.

В статье 17 УК РСФСР дается понятие соучастия в совершении преступления. В соучастие входит и по-

с о б н и ч е с т в о. Пособником признается лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением средств или устранением препятствий, а также лицо, заранее обещавшее скрыть преступника, орудия и средства совершения преступления, следы преступления или предметы, добытые преступным путем.

Степень и характер участия каждого из соучастников в совершении преступления учитываются судом при назначении наказания, как это предусмотрено в части 7 статьи 17 УК РСФСР. В связи с этим организатор преступления, т. е. лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его совершением, будет нести бóльшую ответственность, чем, например, пособник.

По статье 17 УК РСФСР и соответствующей статье Особенной части Уголовного кодекса РСФСР несут ответственность и подстрекатели к совершению преступления. Подстрекателем, в соответствии с частью 5 статьи 17 УК РСФСР, признается лицо, склонившее к совершению преступления того или иного человека, который будет являться исполнителем. По части 3 статьи 17 УК РСФСР исполнителем признается лицо, непосредственно совершившее преступление.

Таким образом, совместное участие двух или более лиц в совершении преступления является соучастием. Соучастниками наряду с исполнителями, признаются организаторы, подстрекатели и пособники.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. А. Романов. Работе по правовому воспитанию и борьбе с нарушениями закона — неослабное внимание . . . . .</i>	3
<i>Наталья Реут. ВОШЕЛ В ДОВЕРИЕ... . . . .</i>	8
<i>Яков Шестопап. ДВЕ ЖИЗНИ . . . . .</i>	15
<i>Валерий Волков. ДВОЕ В ПОДЪЕЗДЕ . . . . .</i>	29
<i>Евгений Вистунов. ПОСЛЕДНЯЯ ГРАНЬ . . . . .</i>	41
<i>Олег Ханеев. ПАУТИНА ДЛЯ РОТОЗЕЕВ . . . . .</i>	52
<i>Юридическая консультация . . . . .</i>	60

ВОШЕЛ В ДОВЕРИЕ...

Составители:

*Виктор Александрович Беляков,
Михаил Евгеньевич Скрыбин*

Заведующий редакцией *Ю. К. Хрящев*
Редактор *В. С. Пархоменко*
Младший редактор *И. В. Петрова*
Художник *А. В. Сергеев*
Художественный редактор *И. З. Семенцов*
Технический редактор *М. А. Хомич*
Корректор *В. Д. Чаленко*

ИБ № 3141

Сдано в набор 21.02.85. Подписано к печати 12.07.85. М-20899. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарн. литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отг. 3,78. Уч.-изд. л. 3,48. Тираж 100 000 экз. Заказ № 825. Цена 20 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

БИБЛИОТЕЧКА
«НА СТРАЖЕ
ЗАКОНА»

вошел в доверие...

В. А. РОМАНОВ

**РАБОТЕ ПО ПРАВОВОМУ ВОСПИТАНИЮ
И БОРЬБЕ С НАРУШЕНИЯМИ ЗАКОНА
— НЕОСЛАБНОЕ ВНИМАНИЕ**

НАТАЛЬЯ РЕУТ

вошел в доверие...

ЯКОВ ШЕСТОПАЛ

две жизни

ВАЛЕРИЙ ВОЛКОВ

Двое в подъезде

ЕВГЕНИЙ ВИСТУНОВ

последняя грань

ОЛЕГ ХАНЕЕВ

паутина для ротозеев

ЮРИДИЧЕСКАЯ
КОНСУЛЬТАЦИЯ

Лениздат 1985

20 коп.